

Маргарита Южина

Коза на роликах

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Маргарита Южина

Коза на роликах

«Маргарита Южина»

2005

Южина М. Э.

Коза на роликах / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2005

Сотрудник милиции Павел Курицын сразу понял, что его удалая маменька Василиса Олеговна снова вляпалась в какой-то криминал. Иначе зачем ей понадобилось просить у него... бронжилетик постирать? А лучше два... Второй наверняка предназначался для ее подружки Люмилы Петуховой. К счастью, Павел не знал, что мать собиралась у него еще и пистолет попросить... почистить, – а то бы запер неумных женщин на десять замков. Пока же он лишь запретил им совать нос во всякие расследования... А на самом деле все было так: на поружек напала собака. И ее хозяйка Римма, чтобы загладить вину, пригласила Люсю и Васю в гости. Что-то тут явно было не так – чувствовали доморощенные сыщицы. Но, может, обойдется? Вроде, и девчонка она приятная, и песик ее ничего – а предчувствие все же нехорошее... Так и вышло, нюх не подвел! Римму они обнаружили мертвой!..

© Южина М. Э., 2005

© Маргарита Южина, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маргарита Южина

Коза на роликах

Глава 1

ПРЕСТАРЕЛАЯ КАТАСТРОФА

– Люся, я настоятельно прошу – не ори! И вообще, что тебе вздумалось дрессировать щенка? Ему не нужны дрессировки, он у нас, Люсенька, по интеллекту такой же, как ты, – всякую гадость на лету ловит. Ему совсем не нужно общаться со взрослыми кобелями! Они его хорошему не научат! Правда же, мой солнышек? Правда же, мой симпомпуля? – сюсюкала высоченная худощавая женщина Василиса с подростком щенком черного терьера. Щенок скакал, весело хватая за пальцы хозяйку, и всерьез пытался допрыгнуть до длинного носа женщины. – Не трогай, Малыш! Малыш, фу!! Это же тети-Васины пальцы... Это мои пальцы, говорю!! А ты думал, сардельки, да?! Уйди, гад такой, сейчас как наверну тряпкой! Иди лучше, тетка Вася тебе сарделечку даст. Ай молодец, скушал колбаску прямо с теткинским пальцем, так ей и надо, правда же, Малыш? И что это в тебе, Люсенька, диктатор проснулся? Прямо не ожидала от тебя, честное слово. Я вообще против дрессировок. Что тебе Малыш – цирковой пудель?

– Скажи лучше, что тебе денег жалко! – все больше распаялась Люся и в гневе все быстрее бегала по комнате.

Не так давно Людмиле Ефимовне Петуховой достался этот щенок довольно серьезной породы. Не то чтобы она сама себе выбрала его, ей оставили щенка ненадолго, а получилось – навсегда. Ясное дело, черный терьер – это не игрушечный пекинес, им не шутя заниматься нужно. А Вася не хочет!! Вот уперлась, хоть ты ей колом по башке бей!

Разговор продолжался уже добрых полтора часа. Василиса сначала слушала подругу вполуха, затем стала нервничать, а после ее и вовсе охватила тревога. Дело в том, что Люсе совершенно нельзя было кричать. И не потому, что это дурно отражалось на ее здоровье, бог с ним, со здоровьем, просто крик был предвестием огромных неприятностей. И об этом, конечно же, знали все, в том числе и сама Люся, но никак не хотела наступать себе на горло и сдуру орала когда ей вздумается. Ну и, разумеется, весь град напастей в первую очередь принимала Василиса на свою хлипкую грудь. И деться от этого было некуда – Василиса Олеговна Курицына и Людмила Ефимовна Петухова уже долгое время проживали вместе, у Василисы, а Люсины хоромы сдавали в аренду, на что, собственно, и жили. Дамам было, по их утверждению, чуть больше сорока, но злые языки утверждали, что шестьдесят они уже отметили, однако у подруг всегда находилось столько дел, что заглядывать в паспорт им, право, никогда не хватало времени. Кстати, после одного такого дела в их доме и поселился щенок терьера, из-за которого разгорелся спор.

– Вася! – кипятилась Людмила Ефимовна. – Оля нам головы оторвет! Зря, что ли, она нам телефон этого руководителя группы дала?! С нашим Малышом сам Анатолий Кислицын заниматься будет. Такая грозная собака, как наша, должна быть грамотно воспитана, неужели трудно понять?!

Ее дочь Ольга была кинологом, собак любила больше, чем своего мужа Володю, и сейчас к ней стоило прислушаться. Но Василиса не могла слушать никого, когда речь заходила о деньгах.

– Люсенька, давай лучше поговорим о высоких материях, – решила она перевести разговор в иное русло. – Вот вчера ты повесила полотенце на балкон, не прицепила его прищепкой,

и его унесло на тополь. Вот ты мне и скажи – кто из нас должен лезть высоко на дерево, чтобы снимать эту материю? А между прочим...

– Вася!!! Немедленно собирайся!! У нас занятия!! – потеряв голову, неприлично верещала Людмила Ефимовна во все легкие. – И не вздумай мне ляпнуть, что у нас нет денег!! Я сама сегодня утром видела, как ты покупала себе колготки в сеточку!! Скажи, на кой черт тебе в ноябре колготки в сеточку?!! Ты б еще себе бикини на зиму взяла!!

Василису подбросило.

– Да! Я действительно купила себе колготки, ну и что? Они мне все равно оказались малы! А вот из-за твоего, Люсенька, крика...

– Ты идеш-ш-шь? – уже шипела подруга, и Василиса спешно потрусилась к кровати: именно там, под матрасом, у нее хранились общие деньги, которые необходимо было отдать руководителю группы собаководов за «грамотную» дрессировку щенка.

Неприятности от Люсиного крика начались сразу же, едва они приплелись на лужайку, где собиралась группа.

– Дамы! Вы, вы! Я к вам обращаюсь!! – кричал высокий и худой, как удочка, парень с тощей косичкой. – Не портите атмосферу! Отойдите от площадки! Здесь собаки работают!!

– Это мы уже заметили... – пробубнила Люся, из последних сил сдерживая щенка на поводке.

Щенок рвался в собачье общество, хозяйка упиралась, однако молодость победила: Малыш на секунду притих, а потом рванул с какой-то дикой силой, и Люсенька, слабо вякнув, упорхнула на поводке в гущу собачьей своры.

– Молодой человек... – обиженно выпятила губу Василиса Олеговна. – Мы, между прочим, не просто так здесь на поводках летаем! Мы, если угодно, пришли воспитываться! Даже деньги принесли!

Последняя фраза в корне изменила отношение парня к новеньким. Паренек подбежал, заискрился радостью, зачем-то вытер ладони о клетчатые брюки и дружески хлопнул Василису по плечу.

– Вот это правильно! Молодцы! Меня Анатолий Кислицын зовут. А кого воспитывать?

Василиса от такой фамильярности едва удержала равновесие, возмущенно засопела, а потом ткнула худым пальцем в сторону.

– Вот их.

Возле большого дерева сгрудилась кучка собаководов со своими питомцами. Псы, задрвав хвосты и взъерошив загривки, медленно кружили возле новенького щенка, тот легкомысленно прыгал, а Люся стояла в эпицентре назревающего конфликта и весело щебетала:

– Ой, а где вы такой ошейничек брали? Или сами шили? Ой, смотрите, как ваш кобелек улыбается!

Кобелек совсем не улыбался, а угрожающе обнажил клыки. Его хозяйка правильно поняла ситуацию и быстро вытащила из кармана какое-то собачье лакомство.

– Бриг! Ко мне! Смотри-ка, что у меня...

– Так вы щенка привели? – задумчиво спросил парень с хвостиком у Василисы. – Ну и зря. Сегодня взрослые собаки занимаются. Сейчас у нас защитно-караульная служба, ЗКС то есть. А вы еще маленькие, вам общий курс дрессировки надо пройти сначала. Завтра приходите, но деньги можете сдать уже сегодня, – спешно добавил он.

Ага! Так Василиса и отдала!

– Мы сначала посмотрим на ваше занятие, – тоном мирового судьи изрекла она и присела на сырой пенек. – А вы занимайтесь, занимайтесь, не обращайтесь на нас внимания.

Кислицын тут же забыл о собеседнице, повернулся к собаководам и захлопал в ладоши.

– Выстраиваемся в линеечку!! Собачки на коротком поводке! Вика, успокой Инжиру, она у тебя сегодня нервная, Юра, Магму не дергай... Же-е-енщина! Ну вы-ы-ы-то куда? Уберите щенка с площадки!

Люся не слышала разговора и скромненько пристроилась в конце линейки, рядом с чьей-то собачкой. Причем Малыш у нее давно вырвался и теперь с радостным лаем носился возле ученых собак, припадал на передние лапы и приглашал поиграть.

Василиса блаженно оглядела лужайку. Все же хорошее местечко выбрал для дрессировок этот Кислицын. Остров посредине могучей реки всегда считался излюбленным местом у горожан, но этот участок был тих, зелен и не слишком обитаем. Деревья, кусты и славная полянка – чем не рай для собачек!

– Сегодня будем отрабатывать «задержание». Саша!! Где Саша? – кого-то искал Кислицын. – Сегодня кто-нибудь видел Александра?

– Нет. Его сегодня не было...

– Он всегда раньше приходит, а сейчас уже столько времени, а его нет. Ему надо на сотовый позвонить, – зашумели собаководы.

– Слушай, Вася, пошли домой, чего мы тут, как два волоска на лысине... – подошла к подруге Люся. – Он мне объяснил, что наша группа завтра будет, пойдем, дома еще ужин не сварен. Кстати, сегодня ты готовишь.

Василиса готовить не любила, поэтому искренне возмутилась:

– Люся! Какая еда, когда тут кладезь премудростей! Посмотри на собак, тебе есть чему у них поучиться! А я, так и быть, понаблюдаю за этим Кислицыным. Надо же оценить, в какие руки попадет Малыш!

Однако наблюдать не пришлось – Анатолий Кислицын сам подбежал к ним и быстро заговорил:

– Тут вот какое дело получается... Фигурант Саша у нас заболел – ногу подвернул, а люди уже пришли, занятие оплачено, сами понимаете, отменить нельзя. Я и подумал – вы очень подойдете, – ткнул он пальцем в живот Василисы.

– Куда это? – насторожилась та.

– Ну я же объясняю – у нас фигурант заболел! А вы с успехом сможете его заменить! Тут и надо-то всего – по полянке побегать да руками помахать. А я вам сделаю три занятия с вашей собакой бесплатно.

– Пять! – немедленно встряла Люся. – Пять занятий бесплатно. Сделаете?

– Да сделаю, чего теперь...

– Тогда она побежит. Вася, беги, чего расселась!

– Подождите... Куда бежать-то? Я вообще не знаю, почему это для бега только я подойду, что, помоложе уже никто бегать не может?

– Семь! Семь занятий даром... – обреченно выдохнул Кислицын. – Пойдемте одеваться...

– Подождите... Люся, нет... Товарищ Кислицын, куда одеваться? А я что, по-вашему, голая?

– Вася, да что же ты упираешься все время? – шипела Люся. – Иди, ты же слышала – семь занятий бесплатно! Да еще и оденут тебя! Беги давай!

Когда Василиса вывалилась из машины, куда пригласил ее Кислицын для переодевания, у Люси моментально перехватило горло. Василиса еле переваливалась в огромной, толстой фуфайке с длинными, как у Пьеро, рукавами, на ногах пузырились такие же толстые штаны, а лицо выражало муку и полную покорность тяжелой судьбине. Так вот что такое «фигурант»! На Васеньку сейчас станут травить всю собачью свору!

– Женщина... Как вас, кстати? А, неважно, – махнул рукой Кислицын. – Вы должны бежать во-он туда, видите, к маленькой пристроечке...

– Вася! – побежала Люся к подруге. – Вася! А пистолет?! Пистолет тебе выдали?

– Э-это еще зачем? – взъярился противный Кислицын.

– Как зачем... Отстреливаться. А последнюю пулю себе, я в кино видела.

– Никаких пистолетов! И собак не бойтесь. Во-первых, они почти все молодые, а во-вторых, они все будут в намордниках. Им главное – вас догнать и повалить. Так, все ясно? Хозяева! Всем надеть намордники!

Василиса с тоской оглядела повизгивающую рать, и даже то, что собак было всего семь, оптимизма не внушало.

– Ну дразните же! Бегайте, руками машите!

Василиса не могла махать руками. И ноги у нее отнялись. И вообще!..

– На счет «три» собачек спускаем! – вовсю разорвался руководитель. – Раз...

И Василиса медленно потряслась в сторону леса, припадая на обе ноги сразу. На счет «три» за ней дружно рванули четвероногие друзья. Василиса в ужасе обернулась, ее нагоняли быстро и весело, только носы сопели в тугих намордниках. Так же весело ее повалили в серую, жухлую траву. И тут у Василисы сердце подскочило к горлу – прямо перед собой она увидела огромную морду ротвейлера, с разинутой пастью и вывалившимся языком. Отчего-то хозяева решили не стеснять собачку намордником. Василиса на миг представила, что сейчас сотворит этот пес с ее макияжем, и ближайшие кусты вздрогнули от ее визга. Собак от «нарушителя» отбросило, точно взрывной волной.

– Съели!! Женщину съели!! – бежала к подруге, высоко перепрыгивая через траву, Люся. – Я ведь говорила – надо было ей наган дать!!

На визг бежали и остальные участники группы.

– Что с вами? Вас покусали? Как, как покусали-то, все же собаки в намордниках?! – наперебой спрашивали они, и только Кислицына интересовало совсем другое.

– Кто именно вас тяпнул? У собачки был хороший захват? Интересно, а почему она вас выпустила? Вот черт, не отработана хватка!

– Вы издеваетесь надо мной, да?! – чуть не плакала Василиса, валяясь в траве и не в силах самостоятельно подняться в тяжеленном костюме. – Какая-то морда была без намордника! А вы обещали, что всех собачек упакуют!! Никому верить нельзя!

– Какая собачка? – тербил Кислицын. – Назовите имя!

– Она мне не сказала! И вообще это был он! У него морда такая большая... кобелиная! Да вон он, чего вы меня трясете?!!

Собаки уже успокоились, подбегая к своим хозяевам, подбежал и виновник переполоха – молодой, здоровый ротвейлер с веселым оскалом.

– Олаф? Римма! Ты Олафа без намордника отпустила, что ли?! – удивился Кислицын. – Кстати, надо хватку у собачки отработать. Почему «нарушитель» так легко высвободился? Недоработка...

– Ничего! Я сейчас доработаю! – возмутилась Люся. – Сейчас вон хворостину отломлю, с этим... как его... с Олафом мне не справиться, честно скажу, но вас, уважаемый, по хребту протяну! Это надо же – ему еще хватка не нравится, чуть женщину не изувечил!!

– Женщина, успокойтесь, ну пожалуйста, – принялась нарезать круги вокруг пострадавшей хозяйка вольного пса. – Олаф еще ни разу никого не обидел. Он совсем не кусается, честное слово! Он вообще – добряк, каких поискать! А если еще с ним и поиграть, палочку ему бросить, так он про все на свете забывает, честное слово! А намордник я надевала! Вот посмотрите! Специально из Германии привезла, тут такое устройство, что сразу и поводок, и намордник получается. Вот, видите, здесь защелкивается, и намертво!

– Это еще большой вопрос – для кого намертво! – кипятилась Василиса. – «Защелкивается»! Чего ж это он у вас нещелкнутый носится?! Прямо на людей бросается?!

– Так Олаф научился намордник скидывать! – продолжала приседать хозяйка. – Я вам все возьму! Он вам порвал что-то? Где?

– Да! – гордо поднялась-таки незадачливая фигурантка. – Да, он мне порвал... Носки вот порвались из-за него, свитер весь изодрался!

– Так вы же не в свитере, – язвительно усмехнулся Кислицын.

– Ну и что? А я говорю – порвался! Меня спросили, я ответила!

– Ладно, чего нам ссориться, вы приходите ко мне завтра, а? – принялась успокаивать спорщиков хозяйка Олафа. – Придете? Я тортик состряпаю, чаю попьем, у меня есть здоровенный пакет сухих кормов, самого лучшего качества, вы не думайте! Я возьму! Все убытки возьму, честное слово! Придете?

– Придем! – грозно пообещала Люся. – И к вам придем, и к вам, уважаемый! Не забывайте, вы нас теперь бесплатно дрессировать должны!

По дороге домой Василиса надрывно вздыхала, часто останавливалась, закатывала глаза к небу, то есть страдала по всем правилам. Правда, она уже успела проболтаться подруге, что собака ее не тронула и даже не сильно напугала, но успешно об этом забыла и теперь старалась всюю.

– Вася, что ты кряхтишь всю дорогу? Сама говорила, уцерб тебе никакого, зато завтра нам бесплатно пакет с кормами подарят, дрессировку опять же выторговали, тут радоваться надо, а ты скривилась, будто у тебя челюсть украли! Завтра нас тортиком угостят...

– Так вот я и думаю... – остановилась Василиса, оглянулась на кусты и зашагала быстрее. – Вот я и думаю... Пошли побыстрее, скоро темнеть начнет. Что-то мне не сильно за этим тортиком идти хочется. Ты понимаешь, какая-то странная эта Римма, хозяйка собаки. Я только носки порвала, а она сразу – «подарки», «подарки»! Что она – Дед Мороз, что ли? И потом, Люся, ты так себя вела, что я тебе не то что дарила бы, а последнее бы отобрала. Ну чего ты с Мальшом все к собакам лезла?

Хлипкая Людмила Ефимовна не ожидала от подруги критики, а потому оскорбилась на совесть:

– Это я-то лезла?! Да я... А знаешь, как они меня приняли? Как родную! А ты!! Да от тебя все псы поразбежались! Даже кусать тебя посчитали неприличным! И девушка такая милая! Тортик состряпает...

Они уже подходили к остановке, когда Василиса отважилась. Задумчиво глядя куда-то на далекие мусорные баки, она выдохнула:

– Я заметила мужчину. Он за нами следит, это я точно знаю. Правда, еще не знаю, что ему от нас нужно, но он за нами наблюдает. У меня только два предположения – либо это мой очередной воздыхатель, либо маньяк-наильник. Пока только известно, что это молодой мужчина, лет шестидесяти, с плешью, с эдаким крючковатым носом и без двух передних зубов. А еще у него трясутся руки.

Люся не собиралась тревожиться из-за таких мелочей, как маньяки-наильники.

– Вася, тебе, сколько я помню, везде мужчины мерещатся. Правда, раньше они выглядели достойнее.

– Люся!! Мне? Мужчины? Я тебя умоляю! Ты же знаешь, как я к ним отношусь!

Люся знала. Подруга была замечательным человеком. Она могла гордиться добрым, отзывчивым сердцем, широкой душой и даже изворотливым умом, но красотой Василиса никогда похвастаться не могла. Может, именно поэтому она долгие часы проводила перед зеркалом, дабы хоть с помощью косметических хитростей выглядеть приятно. Но мужчины обходили ее стороной. Василиса нервничала, злилась (страшно хотелось быть предметом обожания) и при знакомстве с новым представителем мужского пола снова и снова кидалась его завоевывать. И все же... уже давно было решено считать, что мужчин на свете для подруг не существует.

Вечером Люся устроилась на диване и подробно описывала дочери, как прошел их первый учебный день. Похоже, у Ольги кто-то был в гостях, потому что дочь все время отвлекалась:

– Мам, тут у нас пожар у соседей! – взволнованно кричала она в трубку. – Пожарным по какому номеру звонить?

– Ноль один, так я что тебе хотела рассказать! Наш Малыш...

– Мама! Им телефон нужен!

– Так я же дала! Ноль один, ты что, плохо меня слышишь?

– Им позвонить нужно, у них пожар!.. Я потом сама тебе перезвоню!..

А в это время Василиса прела в горячей ванне. У них с Люсей появился новый круг знакомых – собаководы, и Василиса даже отметила одного милого господина с бульдогом, а это означало, что надо спешно приводить себя в порядок: кожа должна стать молодой и упругой, волосы – пышными и густыми, глаза должны сиять, губы улыбаться, и тогда Василису будет провожать взглядом не только тот трясущийся алкоголик, но и, вполне вероятно, господин с бульдожьей мордой. В смысле, с бульдогом. Василиса совсем уже успокоилась, однако на следующее утро, вспомнив о приглашении, она отчего-то стала быстро набирать знакомый номер.

– Алло, Лидочка? У Паши сегодня должен быть выходной, позови его к телефончику, пожалуйста..

– Мам, это не Лидочка, это я, – ответила трубка густым басом.

– Па-а-ашенька! А я вот... звоню... Хотела узнать, как ты себя чувствуешь?

Павел Дмитриевич Курицын – сын Василисы Олеговны, он же сотрудник милиции и отец трех дочерей, отличался отменным здоровьем и в редкие выходные чувствовал бы себя всегда прекрасно, если бы не вот такие неожиданные, тревожные маменькины звонки.

– Сыночек, я ведь что хотела... Тут у нас с Люсенькой свободное время образовалось, так я думаю, может быть, ты мне дашь постирать твой бронжилетик. Можно два. Я припоминаю, что ты их давненько не стирал. А Лидочке некогда, я же понимаю...

– Та-а-аак... – запыхтел в трубку сын. – Ну-ка, матушка, колись, что это за ересь со стиркой? Зачем тебе бронжилеты? Ты что, атаковать кого собралась, что ли? Или опять в какой-то криминал вляпалась? Учти – мне надо правду, только правду и ничего...

– Ага, сейчас, правду тебе, – буркнула Василиса и тут же пылко возмутилась: – При чем здесь криминал?! Можно подумать, интересной женщине больше заняться нечем! Так ты даешь бронжилеты?

– Нет! Я тебе лучше Катю с Надюшкой дам!

– Только вот внучек сейчас не надо. У нас Люсеньке нездоровится. С Малышом где-то бегала, и вот теперь пожалуйста – щенку хоть бы хны, а Люся вся в прыщах. Ну чего ты хочешь, пожилая она уже у меня, ей покой нужен, какие уж тут дети...

Василиса несколько раз убедительно вздохнула и положила трубку. Так, от сынка помощи ждать не приходится. Ему только намекни, он тут же сделает все, чтобы подруги носа из дома не высунули. Эх, черт, а она еще хотела у него пистолет попросить, чтобы почистить... Ну что ж, значит, придется идти на тортик безоружными. Может, обойдется? Ведь и девчонка вроде бы приятная, эта Римма, и песик у нее славный, а вот что-то грызет прямо в желудке... или предчувствие нехорошее, или гастрит... Тут еще и Люся со своим криком...

К назначенному часу подруги уже топтались у дверей Риммы и безжалостно давили кнопку звонка.

– Ой, проходите, я вас уже заждаюсь, – радостно приветствовала их хозяйка. – Проходите, проходите, не бойтесь, я Олафа с Толей отправила погулять, чтобы вы, так сказать, не чувствовали себя скованно. Ой! Надо же, а поводок Толя забыл! Ключ взял, а поводок оставил. Ну да ничего, Олаф его и так слушается. А вы проходите, чувствуйте себя как дома, собака вас не тронет.

Это был правильный шаг, потому что теперь, зная, что никакая зубастая пасть не выскочит им навстречу, подруги зашевелились гораздо бодрее. Шумно галдя, они разулись в прихожей и посеменили за хозяйкой, не забывая вертеть головами.

Неизвестно, где трудилась Римма, но жилье ее говорило о приличном достатке. Квартира просторная, с большими коридорами, последней планировки – санузел в одной стороне, гостиная и спальня в другой, а кухня вообще за каким-то закоулком. И огромные окна, и дорогие обои, и телевизор в полстены... Именно такой телевизор мечтала купить Василиса, если вдруг ей посчастливится когда-нибудь разбогатеть. Люсенька была особой приземленной, поэтому о богатстве даже не задумывалась, но от такого экрана тоже не отказалась бы. Да и от мягких удобных кресел, куда их усадила Римма, тоже. Сейчас дамы утопали в креслах, высоко задрав ноги, и выжидательно поглядывали на хозяйку – очень хотелось чаю и обещанных подарков.

– Вы уж извините нас... – снова начала Римма извиняться за неприятность на лужайке. – Вот, смотрите, какой я вам пакет приготовила. Берите-берите, он только с виду громоздкий, а на самом деле не слишком тяжелый. Очень не хочу, чтобы кто-то на Олафа зло держал. Он у меня и так то одну болячку подхватит, то другую.

– Так это порода такая... – поддерживала беседу Люся, важно играя бровями. – Надо было дворняжку брать. Вот уж кто к болезням устойчивый!

– Ну не скажите! – воодушевилась молодая женщина и выдала Люсе целую речь в защиту любимой породы.

Беседа наметила русло, Люся и Римма уже жарко спорили, а Василиса послушно сидела в кресле и пялилась на стены. Хозяйка собаки, похоже, совершенно забыла, что пригласила дам на чай – на низком столике даже чашек не наблюдалось, а был еще и торт обещан. И все же Римма не обманула. Минут через пятнадцать Василиса ощутила приятный запах печеного.

– Вы меня извините, – подскочила Римма. – Я вас оставлю на минутку, пора пирог из духовки вынимать. Вы ведь не обидитесь, если я вас вместо торта угощу черемуховым пирогом со взбитой сметаной?

Еще бы они обиделись! Да они готовы съесть три черемуховых пирога! И вообще, черемуховый пирог – самый любимый пирог Люси и Василисы. К тому же, сколько они его дома ни пекли, он у них еще ни разу не получился, а ведь Люсенька довольно вкусно готовила.

– Ступайте, милочка, что же вы мешкаете? – нетерпеливо подтолкнула к кухне хозяйку Василиса. – Здесь же каждая минута на счету!

– Да ничего с ним за минуту не делается, – улыбнулась Римма и выскочила из комнаты.

– С ним-то, может, и нет, а вот у меня уже от таких ароматов желудок по всему животу скачет, – проворчала Василиса, когда хозяйка вышла.

Люся осторожно поднялась и подошла к подарочному пакету. Нет, зря все-таки Римма говорила, что он мало весит, Люсе его одной не допереть.

– Вася, давай подумаем, как этот корм тащить будем... – пропыхла она, пытаясь поудобнее ухватиться за подарок.

– Не пыжься, тебе же сказали – он не тяжелый. И потом, своя ноша не тянет, дотащишь.

– Нет, Вася, ты меня извини, но пакет придется тебе тащить, я не могу, он меня к земле притягивает.

– Да хватит тебе о корме. Давай лучше подумаем, где работать надо, чтобы свою норку так обставить.

Подруги принялись гадать – все равно нужно было себя чем-то занять в отсутствие хозяйки – и так увлеклись, что чуть не поссорились.

– А я тебе говорю, сейчас большие деньги можно заработать только в шоу-бизнесе! – кипятилась Люся, наскакывая на высоченную подругу, как воробей на фонарный столб.

– Ха! Ха! Ха! – грозно отвечала ей та. – Где ты в нашем городе шоу-бизнес видела?! Он у нас в глубоком подполье! Я даже подозреваю, что его у нас и вовсе нет! Я тебе говорю –

она работает суррогатной матерью! Знаешь, сколько им теперь платят? Я бы и сама, может, подкалымила, да боюсь, ребеночка потом не смогу отдать.

– Какого ребеночка, старая ты извращенка?! Тебе уже на тот свет пора... в хорошем смысле этого слова...

– Скажите, а что, хозяйки дома нет? – вдруг раздался за их спинами знакомый голос. – Здрасьте.

Подруги так распалились, что не заметили, как в двери вошел Толя Кислицын, уже знакомый им по вчерашней встрече парень с тощей косичкой, а вместе с ним вбежал и Олаф – здоровенный пес. Дома он смотрелся еще больше. Пес бойко подскочил к дамам, с интересом обнюхал обеих и задержался возле Василисы.

– Вы это... собачку уберите... – заблеяла та, поглубже втискиваясь в кресло вместе с ногами. – Что это он на меня так возбужденно смотрит?

– Ну так кобель же, – куснула подругу Люся, собак она боялась меньше подруги, хоть те неоднократно пробовали ее на зуб.

– Да не бойтесь, он не кусается, честно вам говорю. Самое большее, на что он способен, – с ног сбить, – отмахнулся Толя и снова спросил: – А вы что – одни здесь? Римма говорила, что вы придете...

– Да она на кухню за пирогом пошла, – объяснила Василиса и осторожно поднялась из кресла.

Ей не хотелось находиться в одной комнате с таким грозным псом, поэтому она попросила:

– Вы бы подержали собачку, а я Римму потороплю.

Толя послушно взялся за ошейник.

– Риммочка! Что там у вас с пирогом? Римма, вы где? Ах вот вы!.. Я говорю, может, вам помочь чем, а то там уже и этот... как его, Толя с собакой пришел...

В следующую секунду стены вздрогнули от пронзительного визга – Василиса орала на одной ноте, пока ее за плечи сильно не тряхнула Люся.

– Закрой рот, она все равно тебя уже не слышит.

Римма сидела в легком плетеном кресле, уронив голову на стол, тут же на столе стоял светлый поднос с темным черемуховым пирогом, покрытым белоснежными сливками, и под этот поднос протекала тоненькая черная струйка.

– Что это? – севшим голосом спросил Толя Кислицын. Он только что зашел в кухню, увидел Римму и теперь смотрел расширенными от ужаса глазами то на Люсю, то на Василису. – Кто это ее... так?

– Мы сами хотели бы узнать... – растерянно пожала плечами Люся.

Молодой ротвейлер, не понимая, что случилось, тыкался хозяйке в колени и подбрасывал мордой ее недвижимую руку. От этого создавалось ощущение, будто Римма шевелится.

– Олаф! Бежим! – не выдержал Кислицын и, ухватив пса за ошейник, рванул к выходу. Подруги не успели опомниться, а его шаги уже гремели где-то внизу.

Люсенька настолько опешила, что уселась за стол вместе с несчастной Риммой, подперла ручкой голову и тихонько заголосила, скромненько, но с чувством, явно воруя слова у свадебных песен:

– Ой, да и кто у нас тако-о-оой, с раскудрявой голо...

– Сдурела!! Бежать надо! – резко дернула подругу за рукав Василиса, оборвав погребальное песнопение. – Давай, давай, ну же! Дома допоешь!

Люсенька не заставила себя просить дважды – резко вскочила и кинулась из квартиры, позабыв про обувь.

– Люся! Черт тебя дери! – громко шипела Василиса. – Сапоги-то напяль, ноябрь на дворе! Однако Люся уже ни за какие коврижки не хотела входить в страшную квартиру.

– Ты мои сапоги возьми, – так же шепотом командовала она. – И квартиру на ключ закрой, да пошевеливайся!

Василиса не стала запира́ть дверь, все же сюда должна была нагрянуть милиция, а поэтому она только плотно ее прикрыла. Потом поймала-таки Люсю уже возле подъезда и заставила надеть сапоги.

Дома Люся как-то быстро успокоилась. Она уже сообщила в милицию по телефону-автомату и даже успела несколько раз безрезультатно позвонить дочери, а вот Василиса наоборот – впала в прострацию. Василиса Олеговна прочно уселась на кухне, нагрела чаю и от тяжелого потрясения принялась впихивать в себя все, что попадалось под руку. Сначала под руку попались утренние котлеты, которые, к слову сказать, Люся нажарила на три дня, потом, не мигая, Васенька уплела плавленый сырок и так же, не отрываясь от трещинки на обоях, принялась шарить по нижним полкам холодильника. Люся понимала состояние подруги, поэтому решила оставить ее в покое, не трогать, а пока та приходит в себя, быстренько сбежать в магазин, заодно и щенка прогулять. Иными словами, надо было расправиться с мелкими делами, чтобы потом заняться крупными – вечером предстояло много думать.

Быстренько сбежать в магазин не удалось – на обратном пути Малыш погнался за кошкой, Люся, размахивая сумками, за Малышом, затем этими же сумками пришлось отхлестать непослушного питомца за то, что влез в мусорный бак, в результате чего купленные яйца погибли, потом пришлось оттирать куртку от пятен – встреча с помойкой не прошла бесследно... В общем, Люся добралась домой не скоро. Однако Василиса все так же сидела на кухне, тяжело пыхла и мутным взглядом по-прежнему изучала обои. Вероятно, холодильник уже был обработан дочиста, потому что теперь Василиса Олеговна скорбно догрызала горбушку хлеба.

– Вася! Васенька, нам вредно, чтобы ты так расстраивалась, – попробовала вразумить ее Люся, но ответом ей был лишь тяжкий продолжительный стон.

Тогда, дабы остановить всепожирающий процесс, Люся отобрала хлеб (рука Василисы тут же принялась шарить по столу, будто женщина была слепая), щедро намазала остатки горбушки горчицей и сунула подруге. Васенька вгрызлась в корку, из глаз сразу обильно покатились слезы, и только после этого она впервые заговорила:

– Я поняла, Люся, почему возле нас всегда такие события происходят. Ты у нас, Люсенька, просто престарелая катастрофа. Как я еще выжила с тобой в...

– Здра-а-ассьте, – развела руками обескураженная Люсенька. – Твой сын не может справиться с преступностью в городе, а виновата я! Я, что ли, Римму эту... Слушай, а что там с ней было?

– Кровь! Там была кровь, и Римма совсем не шевелилась, должно быть, погибла. Я даже думаю – ее убили. А все ты!! «Щеночка надо грамоте собачачьей учить, а то он у нас дурак дураком!» Не ты, что ли, говорила? Еще меня пихнула фигурантом бегать! Ну и что теперь? На кого думать будут?.. Нет, так глупо мы еще никогда не подставлялись...

Люся не перечила – подруге важно было выговориться, и только потом с ней имело смысл поговорить по-человечески. Однако, выговорившись, Василиса медленно двинулась в комнату, залезла в старенький шкаф почти целиком и принялась выкидывать оттуда постельное белье, одежду, носки, кофты...

– Вася, ты решила прятаться в шкафу? Прямо как маленькая, честное слово...

– Я не прятаться решила! Я собираюсь! В тюрьму, между прочим! Ты не видела мой розовый пеньюар, такой, на завязочках?

– Это байковый халат, что ли? Да вон он, на нем Финли спит...

Финли был огромным изнеженным котом, которому всегда отдавалось все самое лучшее, в том числе и розовый байковый «пеньюар». Василиса когда-то сама подсунула вещь под пушистое брюшко любимца, но теперь вдруг обиженно засопела и готова была даже разрыдаться.

– Вася!! Успокойся и выслушай меня внимательно! Нам надо всерьез обдумать все, что произошло.

– Я не могу обдумывать! Потому что я не знаю, что произошло! Мы просто пришли, сидели пили чай...

– Мы его не пили, Вася. Мы разговаривали и ждали пирог. Потом пирог испекся, хозяйка пошла за ним в кухню, и ее долго не было...

– Ха! А как бы она пришла?!

– Не перебивай, следи за мыслью. А затем к нам в комнату вошел Кислицын. Он прямо-таки незаметно прокрался!

– А тут мы! На собачьих кормах! А в кухне приконченная хозяйка! Замечательная картина, Иван Грозный со своим сыном отдыхают!

– Интересно, а как ее прикончили? И кто, ведь в доме никого не было? – задумчиво выдирала из кошачьего хвоста шерстинки Люся. Кот гневно кусал хозяйку за пальцы, но та боли не замечала, так была поглощена мыслями. – Надо посидеть подумать...

– Да не вопрос! Сейчас подъедет милиция, нас посадят в обезьянник, и сиди себе, думай!

– Я не хочу в обезьянник. Что я, макака? – опешила Люся, но умело взяла себя в руки: – А с чего ты вообще решила, что за нами кто-то приедет? Даже если этот быстроногий Кислицын успел сообщить в милицию про нас, он ничего не сможет рассказать о нас толком. Он же нас совсем не знает. Ты вчера не говорила ему свои паспортные данные?

– Хотела. Он не слушал, на редкость неуважительный мужлан попался! Сейчас внимательного мужчину найти – большая удача, – надула губы Василиса.

– Большая удача в данный момент – это то, что он вчера тебя слушать не захотел! Теперь представь – даже если он и сообщит, что видел на месте преступления двух интересных особ, он не сможет назвать ни наших имен, ни фамилий, ни адреса.

– А если милиция фоторобот нарисует? – начала оживать Василиса.

– Я тебя умоляю! Наша милиция может помощи у граждан попросить только по одной краевой программе, в передаче «Помогите!». А такая передача идет три раза в неделю, и то далеко не факт, что кто-то ее регулярно смотрит. Короче, как бы то ни было, у нас с тобой еще есть какое-то время.

Василиса судорожно всхлипнула и принялась нервно затапливать разбросанные вещи обратно в шкаф. Под горячую руку подвернулся и кот, который тоже был зашвырнут туда же. Только резкий вопль животного привел Василису в чувство.

– Люся, а для чего у нас это... время? Ты что, хочешь сказать... ты хочешь сказать?..

– А что делать? – погрустнела подруга. – Делать нечего, надо искать истинного убийцу, не можем же мы постоянно висеть на стенде «Их разыскивает милиция». К тому же твой Пашенька, добрая душа, мигом нас вычислит.

– Ага. Вычислит. Его за такую мать уволят со службы. А у него трое детей, девочки. Очень кушать любят. А с чего будем начинать? Господи, Люся, я уже забыла всю криминалистику, – закатила глаза к потолку Василиса и напыщенно поправила жиденькую фрикадельку прически.

«А когда ты ее знала»... – вздохнула Люся, но понапрасну вступать в спор с подругой не стала.

– У меня, пока я Малыша выгуливала, кое-какие идейки наметились. Во-первых, как-то надо снова на собачью площадку просочиться. Нас, конечно, могут заметить, но просто необходимо взглянуть на Кислицына. Сама подумай – если мы с тобой не убивали, а кроме нас там никого не было, только он... так, может, это он ее и...

– Не продолжай, я умею читать мысли, ты же знаешь. На площадку просочишься ты, завтра же вечером. Еще нужно узнать про родственников, про недругов, подруг разных... Кстати,

мы так и не выяснили место работы потерпевшей. Ну с этим уж я сама... Все самой, ну хоть разорвись!

Люся стояла посреди комнаты и переминалась с ноги на ногу. Что-то ей не нравилось.

– Что? Чего ты мнешься? Не хочешь на площадку? – догадалась Василиса.

– А почему это, интересно, я? – сиплым петушком выкрикнула Люся.

Она, конечно, понимала, что Василисе идти никак нельзя, слишком хорошо она врезалась в память всей группе. Однако бросаться на амбразуру, зная, что милиция только и ждет, когда на горизонте покажутся подозрительные гости потерпевшей, она тоже не могла отважиться.

– Давай лучше вообще на площадку соваться не будем, – затараторила она. – Так потихоньку разознаем... Мы с тобой сколько преступников находили, и ничего, еще ни разу их на площадке не искали.

– Так, для особо одаренных повторяю: завтра мы тебя наряжаем под тинейджера, под парнишку лет пятнадцати, ставим на ролики, и ни одна собака не узнает в тебе убийцу... Короче, нечего кукситься, надо дело делать!

– Вася! Ты на улицу посмотри – ноябрь уже, какие ролики, дети на коньках разъезжают!

Василиса театрально плюхнулась на диван, отчего ноги ее, описав дугу, звучно грохнулись о деревянные подлокотники.

– Лю-ся! На коньках ты можешь разъезжать только на хоккейной площадке! И то, если тебя дворник метлой не сшибет! А тебе надо прокатываться возле собаководов, дабы вывести их на откровенный разговор! На каких коньках ты к ним подкатишься, там же не то что льда – там снега нет! Был бы хоть какой-то иней, мы б тебя на лыжи поставили... Кстати, не забудь позвонить Пашке, у него, у Катюшки, ролики есть, как раз твоего размера. И не отвлекай меня больше, мне продумать нужно легенду для соседей Риммы. Черт, мы ведь даже не знаем, как ее фамилия! Совершенно никаких рабочих условий! Люся! Ну не надо включать телевизор, сейчас тебе не до него – иди лучше готовь ужин да продумывай себе на завтра грим, не с таким же лицом ты порядочным людям покажешься!

Спорить с Василисой было бесполезно, и Люся уселась перед зеркалом. Отражение тут же выдало физиономию уже не совсем молодой женщины, с озабоченным взглядом, с губами, уныло сползшими к подбородку.

– Вась, ты уверена, что у пятнадцатилетних парнишек такое вот... лицо? У них же румянец во всю щеку, глаза горят, я не знаю, тело молодое...

– Глупости. Молодость – это состояние души, а ты, Люсенька, местами сохранилась просто чудесно, ты в некоторых вопросах не подросток, а чистый младенец. Румянец накрасим, глаза... Кепку на глаза надвинешь, и нормально. А тело... Кто там твое тело разглядывать будет? Не путай – мы тебя на собачью площадку собираем, а не на панель! А теперь все! Давай готовиться к операции. Да, и позвони Паше!

Паше Люся звонить не стала, ролики нашлись у соседского мальчишки с первого этажа. Там же сыщица заполучила еще целый ворох сопутствующих наставлений:

– Вы, тетя Люсь, сразу разгон не берите, остороженько сначала, а поворачивать вот так нужно, а падать... а падать вам совсем нельзя, а то переломаетесь, в вашем возрасте до смерти не заживет...

– Молчи, свистун, много ты про возраст понимаешь! – треснула его по макушке Люся.

Наутро Людмила Ефимовна Петухова представляла собой нечто среднее между инфантильной дамочкой и состарившимся юнцом, однако это ее не тревожило. Ее тревожил только ноябрьский холод, который нещадно пронизывал модную летнюю бейсболку и легкую куртку.

– Ничего-о-о, – стучала зубами Людмила Ефимовна, – еще хорошо, что Васенька ради конспирации не заставила шорты надеть, с нее станется.

До площадки «спортсменка» добралась в кроссовках, и, лишь завидев кучку собаководов, она храбро встала на ролики. Прокатиться по лужайке оказалось делом не просто сложным, а почти невыполнимым. Несчастливая дама спотыкалась на каждом шагу, ноги предательски подворачивались, колени уже ломило от синяков, а к собаководам она и на метр не приблизилась. Тогда, воровато оглянувшись, почтенная дама решила облегчить путь – она встала на четвереньки и быстро-быстро за кустами стала подбираться к людям. Люди ее не заметили, зато собаки настороженно подняли уши, вздыбились загривки и, высоко подскакивая, ринулись в кусты.

– Фу!! Фу, гады такие, кому говорят!!! – донесся до ушей собаководов пронзительный визг.

Люди кинулись за собаками и остолбенели – перед собачьей сворой на четвереньках визжала особа в ярко-лимонном кепи с огромным козырьком и кидалась кроссовками. Собаки возмущенно лаяли, однако нападать опасались.

– Немедленно уберите собак!! И за что они меня возненавидели?! Вежливости собак учить надо!! – накинулась странная особа на подбежавших людей. – А то лают тут!.. Бросаются, прям как люди, честное слово!!

– Вы кто? Что это вы на коленях? Извините, а вы не окоченели? – слышались голоса с разных сторон. – Может, потеряли чего?

– Помогите мне встать и уберите ваших собак, они мне чуть все колеса от роликов не откусили! – гневалась Люся, раздраженная тем, что явила себя обществу в таком непотребном виде.

Первым к Люсе подскочил бойкий старичок в огромных белых кроссовках и в шапке с детским ярким помпоном.

– Давайте, давайте вашу ручку... можете смело мне довериться... вот так...

Старичок погорячился – едва Люся «доверилась», оперлась на старческое плечо, как дедка тут же куда-то повело, и, вероятно, они оба рухнули бы в кусты, не поддержи их молоденькая девчушка с большой немецкой овчаркой. Правда, собачина улучила-таки момент и тихонько тяпнула Люсю за ягодицу. Люся от боли резво вскочила, что привело старичка в бурный восторг.

– Ну? И как я вас вытянул? Я еще о-го-го! А как вы думали?

– Ой! Я думала, это паренек, а это... – вдруг протянула девчушка с овчаркой.

– А я кто, по-вашему? – обиделась Люся, стараясь незаметно потерять укушенное место.

– Нет! Ну что вы!! – старичок явно рассчитывал на приятное продолжительное знакомство. – Нет, ну какой же это паренек?! Это же мадам!! Мадам, вероятно, моржиха?

– Сам ты тюлень, – не выдержала Люся.

– Ах, сударыня! Я не хотел вас обидеть! Хи-хи! – затрясся старец от смеха, прикрыв беззубый рот сморщенной ручкой. – Моржи – это те самые, кто и в мороз – в прорубь, и в холод – в прорубь, как сосульки, все в прорубь да в прорубь.

Люся была готова разреветься. Ее план – легко проехать мимо площадки и мимоходом внедриться в круг друзей-собаководов – с треском провалился. К тому же она до смерти боялась, что сейчас к ним подойдет Кислицын и тогда... Даже страшно представить, что тогда будет.

– Я, пожалуй, пойду, – снова встала она на четвереньки, собираясь как можно быстрее покинуть сборище.

– Мне кажется, вам лучше переобуться, – посоветовал худенький мальчик в очках с огромным добродушным сенбернаром. Паренек уже собрал Люсину обувь, которой она швырялась в собак, и теперь протягивал ей: – Вот, возьмите.

Люся села прямо на холодную землю и с облегчением скинула ботинки с колесиками.

– А вы знаете, – игриво подмигивал старичок, – я бы мог вас научить кататься на роликах. Да-да, не смотрите на меня так. Уж в чем, в чем, а в шариках да роликах я дока! Как-никак двадцать пять лет проработал на шарикоподшипниковом заводе.

Люся и не заметила, как собаководы разошлись, стояли кто где. Под деревом весело смеялись три девушки, несколько мальчишек хвастались друг перед другом, чья собака больше команд выполняет, серьезный мужчина не спускал с рук крохотную болонку и с интересом слушал пышнотелую женщину в толстом пуховике, где можно недорого купить фарш для собак, кто-то бежал с хвостатым питомцем наперегонки, но Кислицына нигде не было видно.

Переобувшись, Людмила Ефимовна чувствовала себя уже более уверенно, а поскольку руководителя группы так и не наблюдалось, мало того, среди собаководов ей не встретилось ни одно знакомое лицо, то она решила, что вечер еще не окончательно потерян для следствия. Забравшись подальше в кусты, она спокойно складывала ботинки в пакет, а поскольку старичок все так же докучливо толкался рядом, она решила с него и вытянуть нужную информацию:

– Не понимаю, а чего это у вас сегодня народу столько? С собаками... Слет, что ли, какой?

– Хе-хе... Да куда уж нам слетаться, хе-хе... Что мы, вороны какие? – охотно откликнулся старец. – Вот вы совершенно правильно заметили – мы все с собачками. Их и пришли дрессировать.

– А вы что, тоже кого дрессируете или так – любопытствующий?

– Какой же я любопытствующий! Вон моя Куся, афганская борзая, видите, круги нарежет. Мы тоже пришли обучаться, только я ее еще ни на одном занятии догнать не смог. Деньги плачу, а она только по лужайке носится, лихоимка. Но люблю ее, куда денешься. А вы знаете, вы на нее жутко похожи! Вот-вот, носиком! И прически у вас такие... патлатые у обеих... Честное слово! Особенно когда так, на четвереньках...

– Не надо ассоциаций, – строго прервала его Люся. – Скажите лучше, а где ваш руководитель? Кто с вами занимается?

Старичок сразу подтянулся.

– О! Это великий человек! Кислицын Анатолий Петрович! Сильный мужчина, да-а. Говорят, у него через полгода все собаки как люди становятся – по линейке ходят. Только вот моя стерва все бегаёт!.. А давайте с вами познакомимся, а? Вы поразительно похожи на мою жену, покойницу.

– Типун вам... – вздрогнула Люся и насторожилась.

Пока она слушала старичка, на поляне произошло какое-то движение. Все сгрудились возле маленькой блестящей иномарки. Люся и не заметила, когда та появилась на поляне.

– Что это там? – ткнула она собеседника под локоть. – Никак ваш руководитель прибыл?

– Да нет, у него машина большая – универсал, а это... Я сейчас сбегая, посмотрю.

Старичок шустро потрусил к машине, и Люся заторопилась следом.

– ...На следующей неделе, как обычно. Деньги, естественно, у вас сохраняются, – что-то объясняла собравшимся худенькая девушка в белой вязаной шапочке.

Собаководы недовольно гудели и медленно расходились. Некоторые, особенно любознательные, упрямо допытывались:

– Так почему не будет-то? Анатолий Петрович занемог, что ли?

– Да, вот так неожиданно взял и занемог, – поддакивала девушка, усаживаясь за руль машины. – Что ж он, не человек? Может же у него что-нибудь отказать, заболеть, сломаться?

– Девушка! Меня подвезите, пожалуйста, я заплачу! – вдруг неожиданно для самой себя выкрикнула Люся. – А то у меня уже ноги не ходят.

Девушка внимательно взглянула на даму в канареечной бейсболке и пожала плечами:

– Зачем же платить, я просто так вас довезу. Вам далеко?

– Нет, тут совсем рядышком... – затараторила Люся, быстро втискиваясь в салон.

– Женщина!! А как же... А знакомиться? – тянул ее из машины старичок.

– Пусть я буду для вас загадкой, – кокетливо подмигнула ему Люся, отпихивая ногой назойливого кавалера. – Да пустите же вы! Я буду немножко неуловимой!

Получилось пошло, Люся даже покраснелась, встретившись взглядом с девушкой в зеркале, но тут же об этом предпочла забыть.

– А что ж это случилось с Анатолием Петровичем? – снова спросила она.

– Я уже объясняла – он заболел, и поэ...

– А Римма тоже не придет?

– А... А вы и Римму знаете? – невольно притормозила девушка. – Вы, собственно, кто? Что-то я вас на наших занятиях не встречала!

– Я? Понимаете, я коллекционирую... в общем, я собираю фотографии собак с их хозяевами. Ну, понимаете, слабость у меня – люблю зверье всякое. И у меня уже столько этих фотографий набралось, ну хоть выбрасывай! А тут мой брат... понимаете, он свой журнал задумал издавать, а о чем писать – не знает. Это же вам не поздравительная открытка, правильно? Там же столько страниц, о-го-го! – на ходу врала Люся. – Вот он мне и говорит: ты, мол, Лю... бимая сестричка, возьми теперь и подбери к своим фотографиям истории, ну, этих людей с собаками. Вот и получится у нас новая рубрика. Простые горожане будут узнавать себя в журнале и радоваться жизни. Хоть какая-то польза от твоего мусора... Ну, он у меня такой... шутник. Вот я и хожу – собираю. А не так давно мне попалась фотография Риммы с ее псом...

– С Олафом?

– Ну да, с ним. Я и решила: такая красивая девушка должна украсить журнал с собачьими мордами! Хороший рассказ должен получиться. А кто о ней расскажет, не знаю. Может, вы можете?

Девушка пожала плечами.

– Я бы могла, конечно... Но... Да вы лучше меня сфотографируйте, у меня, между прочим, тоже ротвейлер, и посмотрите, какой у меня профиль! Правда, я похожа на царицу Тамару?! Я вам про себя столько наговорить могу! Вот, к примеру, в прошлое воскресенье я провалилась в колодезный люк...

– Вот! Вот и здорово! Про вас я целую статью напишу, на полный лист, – театрально обрадовалась Люся. – А то у братца места в его журнале – прямо не знаешь куда девать, все листы белые. Про вас – на развернутой странице, можно будет на стенку повесить. А сейчас надо маленькую такую заметочку сделать о друзьях, о родственниках, о работе. Сюда, я думаю, ваша Римма как нельзя лучше уместится. Кстати, откуда вы ее знаете?

Девушка подрулила к маленькому павильончику возле дороги и заглушила мотор.

– Давайте, если на то пошло, хоть по стаканчику кофе возьмем.

– Ну его, кофе, лучше сразу к делу! – выкрикнула Люся.

– Нет, возьмем. Вы согретьесь, а то я никак не пойму – это у машины что-то отвалилось, так трясется, или вас от холода колбасит. Сидите, я скоро.

Девушка и в самом деле вернулась быстро. В руке она держала два больших стакана для пепси, откуда поднимался пар.

– Вот, берите и слушайте.

Наташа Бедрова, а именно так звали девушку за рулем, когда-то давно училась вместе с Риммой Рудиной в одном классе. Девочки были совсем разные, особо не дружили и по окончании школы друг с другом даже отношения не поддерживали. Но вот в прошлом году родители Натальи разменяли квартиру и выделили дочери однокомнатную (матушка всерьез опасалась, что строгие папенькины нравы помешают дочери создать полноценную семью). Наташа была рада до невозможности, собрала новоселье, где ей и подарили славного щенка ротвейлера. Девушка отнеслась к этому более чем серьезно. Она накупила литературы по собаководству, звонила в клубы, стала ходить на кинологические выставки, на показательные выступления

и вообще старалась не пропускать ни одного собачьего мероприятия. Так на одной выставке она увидела Римму Рудину. Та вышагивала по рингу с красавцем-ротвейлером, и Наталья обомлела. Именно такого она и мечтала вырастить из своего щенка. Естественно, она дождалась бывшую одноклассницу после выступления, пригласила ее к себе, и девушки просидели до позднего вечера. Римма трещала без умолку:

– Я тебя к одному своему знакомому сосватаю. М-мм!

– Меня не надо сватать, я только-только на работу устроилась. Там тоже мужики есть ничего... – слабо отбивалась Наталья.

– Ты о чем? Про сватовство это я так – образно! – расхохоталась Римма. – Моего знакомого ты как женщина не заинтересуешь, у него есть я! А вот твой щенок... У него задатки неплохие... И рост, и фигура, и умный опять же, а хвостик какой милый! А если бы ты знала, какая у него улыбка!

Наташа пригляделась к щенку, до сих пор она не замечала его улыбки, а вот знающий собаковод, смотри-ка, сразу...

– И знаешь, характер такой уверенный! Мне нравится, когда уверенный характер. Только вот ему квартира нужна отдельная... – все так же щебетала подруга. – Хотя... Я думаю, первое время мы можем пожить и у меня, ты же знаешь, я одна живу.

– И я одна! Чего это мой пес будет у тебя жить? – возмутилась Наталья.

– Господи, да я тебе про Кислицына говорю, какой пес! – снова весело рассмеялась Римма. – А твоего щенка мы в младшую группу отдадим, не волнуйся. Вам сначала надо общим правилам поведения научиться. Позвонишь мне завтра, я тебе все скажу – куда подходить, к кому обратиться и сколько денег нужно.

На следующий день Наталья позвонила. Римма и в самом деле все уладила, и уже через неделю Бедрова Наташа вместе со своим питомцем показали на площадке.

– Вот, собственно, и все. Ходили по сей день нормально, никаких сбоев, а тут вчера, уже почти ночью, позвонил Анатолий Петрович и попросил предупредить группу, что его не будет некоторое время. Самое интересное, что он мне никогда не звонил, мы вообще с ним общались только в рамках дрессировки, а тут... Звонила Римме, хотела подробности узнать, а у нее никто не отвечает.

– Выходит, Анатолий Петрович – Риммин любимый мужчина? – уточнила Люся. Она уже выдула свой стакан кофе, согрелась и чувствовала себя настоящим сыскарем.

– Выходит. Только честно вам скажу – ну не пара он ей. Римма интересная такая, а он – кажется, его никто, кроме сук и кобелей, не интересуется. – Наталья отпила из высокого стакана и закурила.

– Ну а кроме Кислицына у нее были друзья? Родственники? Где она работала?

– Да откуда же я знаю? – вытаращила девушка хорошенькие накрашенные глаза. – Я же вам разговор слово в слово передала.

«Допрос» зашел в тупик. Ничего интересного, кроме того, что Кислицын – бойфренд потерпевшей.

– А родственники? Вы же вместе учились, неужели не вспомните, кто у нее был папа, кто мама? Постарайтесь же!

– Я и так постаралась. Вам для вашей маленькой заметочки больше чем достаточно, – надула губы Наталья.

– Да чего же достаточно-то?! Я что же, напишу, что у этой дамы кавалер – зоофил?!

– Так сейчас только такие новости и прошибают! По-моему, для журнала самое то...

– «По-моему»... А такая приличная девушка с виду. Запомните, Натали, мой брат пошлятиной не торгует! Ему надо о теплом, скребущем, о больном, о семейном то есть... Что там у нее с семьей?

Девушка задумчиво повертела головой, вероятно, размышляя, как бы по красивее отделаться от назойливой пассажирки, потом плавно выжала сцепление.

– Вам куда?

– Мне домой, езжайте прямо, там объясню, где поворачивать. Так что же с родными и близкими? – не отступала Люся.

– А с родными – вы у них сами спросите. У нее мачеха сидит на Советском рынке пирожками торгует. Такая полная, в кожаной куртке цвета свежего шпината. У нее одной такая курточка, ни с кем не спутаешь. Она вам расскажет больше. Только сразу говорю – они с Риммой в больших нестыковках всегда были, еще по школе помню. Хотя... поговорите, может, сейчас у них отношения теплые, как вы говорите, скребуще-семейные.

– Куда ты летишь?! Смотри, вон мой поворот! Ну ведь сказала: не знаешь, где мой дом, – спроси!!

Василиса сидела перед зеркалом и терзалась муками. А все Люся! Конечно, Люсенька сегодня отправилась на серьезное и даже опасное задание, ее надо было и загримировать по человечески, и нарядить надлежащим образом. Естественно, что все это легло на плечи Василисы. И грим, и костюм были подобраны ею. Конечно, для полноты образа надо было бы встряхнуть Людмилу Ефимовну в белые шорты, все роллеры в городе ездили летом именно в белых шортах, но от этой затеи пришлось отказаться, как-никак на дворе ноябрь, но самое главное – белых шорт у подруг просто не имелось в гардеробе. И все же Люсенька выглядела очень эпатажно, ну чистый подросток-недоумок, никому и в голову не придет, что это серьезная дама. Василиса так погрузилась в Люсин образ, что совершенно забыла про свой. А тут некстати выяснилось, что Люся забыла выгулять щенка утром, и бедный пес храбро терпел сколько мог, а потом, когда та ушла и у пса пропала всякая надежда на прогулку, он залез на живот к Василисе (та после обеда прилегла на диван успокоить разгулявшиеся нервы), поднял голову к потолку и протяжно, с выражением завыл. Финли, поддерживая друга, с осуждением фыркнул и принялся добросовестно точить когти о новые сапоги Василисы. Пришлось быстро вскакивать и бежать выгуливать собаку. Конечно, разве была у несчастной женщины возможность подчеркнуть природную красоту лица? Выбежала как есть – ненакрашенная, ненаряженная, страшно вспомнить. И надо было именно в это время пробегать по аллее старичку из первого подъезда. Старичок уже и не помнил, когда родился, был страшным занудой и беспрестанно мучил всех соседей бесчисленными поучениями. Отчего-то больше других доставалось Люсе и Василисе.

Вот и сейчас старичок, едва завидев Васю, в ужасе оттопырил трясущуюся губу:

– Васили-иса Оле-еговна! Какая распушенность!

– А что такое? – переполошилась та. «Никак брюки треснули», – мелькнула стыдливая мысль, и Василиса стала лихорадочно ощупывать седалище.

– Это же неприлично, ходить с такими морщинами! Немедленно займитесь собой!

Василиса послушно кивнула.

– Вы знаете, я слышал, очень омолаживает уринотерапия! – старичок сел на своего конька. Все время, пока продолжался монолог, Василиса не спускала собаку с поводка, кто его знает, чем может разозлить несмышленный щенок почтенного старца. Малыш покрутился, покрутился и решил свои проблемы как мог. А старец токовал: – Урина – великая целительная сила, вам, Василиса, подойдет. С утречка... Боже мой! Что это делает ваш пес?! Что он... Он... на мои ботинки... естественную нужду спра... Он же мне все ботинки обос... Это он на меня ногу задрал, паразит! У меня все ботинки теперь мокрые!

– Зато выглядят, как младенцы! – мстительно заявила Василиса и, пользуясь замешательством собеседника, быстренько понеслась со щенком на аллею.

... А вот теперь сидела у зеркала и печалилась. Как ни крути, а старикан прав – такие морщины уже никто не носит. И опять же, надо людей щадить – нельзя сверкать ненакрашенной физиономией. Тем более что ей предстоит серьезный разговор с соседями потерпевшей Риммы.

Уже через полтора часа Василису было не узнать: темно-фиолетовые тени, туши чуть больше обычного, румяна цвета перезревшей моркови и ярко-свекольные губы сердечком – красота необыкновенная! Скромный серый макинтош и остроносые сапоги – богиня! Не хватало последнего штриха – шляпки. Ну сколько раз Василиса пыталась купить шляпку, так Люся не позволяет. Придется надеть летнюю. Пусть она не совсем по погоде, зато каков стиль!

Обозрев себя в зеркало, Василиса осталась довольна. Именно так она появится у соседней Риммы, и такой женщине, уж непременно, никто не посмеет отказать в беседе.

До знакомого подъезда Василиса добралась без приключений, но чем ближе поднималась к двери потерпевшей, тем больше подламывались колени, а носки сапог цеплялись друг за друга. Перед глазами все время колыхалась страшная картина – несчастная, лицом в стол, и черная струйка... Брр... Она уже почти была у двери, когда позади нее раздался страшный грохот. Сердце застряло в горле, и Василиса не сразу поняла, что кто-то попросту воспользовался мусоропроводом.

– Вам плохо? – подскочил откуда-то мужчина в домашних шлепанцах и с мусорным ведром.

– Ме-е... мне-е-е... – заблеяла сыщица и почувствовала, как ноги колотит предательская дрожь.

– Ничего, не торопитесь, я вам помогу... – пробормотал мужчина и одной рукой бережно ухватил даму под локоток, а другой, с ведром, принялся интенсивно махать перед ее лицом.

Мусорное ведро моталось перед самым носом Василисы, и она из последних сил держалась, чтобы не задохнуться.

– Та-а-ак, я примерно этого и ожидала!!! – раздался угрожающий женский рык. – Я тебе сказала мусор вынести, а не тащить в дом кого попало!!

На Римминой площадке в проеме распахнутой соседской двери стояла пышнотелая дама, и ее вид не обещал ничего приятного.

– Куда ты ее волокешь, несчастье мое? Что, твои бабы не могут дождаться, когда я на смену уйду? Или график мой забыли?! Я сегодня дома!! – кричала она на весь подъезд.

– А мне... мне к вам и надо... – проговорила Василиса, ловко уворачиваясь от ведра.

– И зачем это, интересно знать?! – не успокаивалась та. – Не вздумайте мне врать, что вы из ЖКО! Никогда не поверю!

– Почему это? – возмутилась Василиса.

Она именно это и приготовилась сказать, у нее уже все было продумано, якобы новая работница решила поближе познакомиться с жильцами. Такая замечательная придумка.

– Не поверю! – рычала толстая дама и в дом не пускала. – Во-первых, я всех наших работниц знаю – каждую пятницу с ними лаяться хожу, а во-вторых, там бабы не сумасшедшие, они никогда бы не стали шляться по улицам в соломенных хлебницах на голове! Говорите немедленно – вы опять к моему Ленке на свиданье?!

Больное место этой женщины Василиса отыскала мгновенно, а значит, нашла и верный подход. Она с чувством оттолкнула руку с мусорным ведром, закатила глаза и принялась звучно швыркать носом.

– Я к вам хочу обратиться... как к женщине... – прохлюпала она.

Вероятно, к грозной даме никто доселе как к женщине не обращался, потому что она выпучила глаза, раскрыла рот, потом снова закрыла и засуетилась.

– Да вы... чего ж в подъезде-то... не разувайтесь... проходите, вот, на кухню, мы чайку... Ленька!! Чертыка плешивый!! Беги в ларек, купи конфет, а то приличного человека... Да вы садитесь, он быстро сбегает.

Василиса прошла в маленькую кухоньку, уселась на стул и приложила платочек к накрашенным глазам.

– Я ведь о вашей соседке хотела поговорить... – наконец выдохнула она.

– Это о Варьке, что ли? А чего о ней говорить – воровка она, сразу скажу! – охотно откликнулась хозяйка. – Ленька у меня в прошлом годе велосипед...

– Да нет. Я не о воровке... Видите ли... мне бы не хотелось, чтобы об этом кто-то знал... слышал...

– Так никто и не узнает! Ленька, хорек душиной! Ты уже пришел с конфетами или еще не уходил?! Беги, говорю!! Человек с секретными сведениями к нам, а ты под дверью толчешься! – гаркнула женщина, быстро вытолкала мужа из дома и уселась напротив Василисы. – Все! Больше нам никто не помешает, я последнего шпиона выгнала.

– Видите ли... Ваша соседка Римма... Она моего мужа увела.

Женщина слабо охнула и ухватилась за подбородок.

– Римка? У вас? Да не может такого быть! Как же... да не... Хм... Это сколько ж вашему мужику, что на него Римка позарилась?

– Тридцать... пять, – горестно вздохнула Василиса и аккуратно пустила слезинку.

– Ага... Ну так... чего ж... он молодой, а вам ведь уже скоро...

– Сорок! – быстро подсказала Василиса. – Мне скоро сорок, но я печалюсь не об этом...

– Да уж тут печалься не печалься, гы-гы... – отчего-то радостно захрюкала хозяйка. – А ты, видать, пила, как верблюд, а? Гришь, сорок, а у самой лицо, как у моей тетки Липистиньи, когда ей шестьдесят отмечали? Такое токо у пьяниц... Ой, а может... Слышь чего, а вы, значит, того... богата, если парень-то столько с вами держался?

– Я умна, у меня богатый внутренний мир...

– Внутренний! Гы-гы-гы! А кто к вам во внутренности полезет?! – опять с радостью воскликнула женщина. – Чего там у вас такого богатого? Вы ж не курица, у которой в желудке бриллиант! Вот ваш благоверный и сбег!

– Меня не это гнетет. Я спокойно его отпущу, если узнаю, что это за женщина – Римма. Если она достойная... неглупая... – размазывала по скулам фиолетовые тени Василиса. – Ясно, что сама о себе она не расскажет, а вот соседи... Вы же знаете всех ее родственников, знакомых, друзей...

Женщина помотала головой.

– Не, не знаю. Вам надо было бы раньше мне сказать, я б узнала, подъезд бы обежала, поинтересовалась...

– Ну, не поверю, что вы совсем ничего не знаете про свою соседку.

– Ну-у-у... Скандалов никогда у нее не наблюдалось, всегда – «здасьте, до свидания»... Где работает – неизвестно, все время вроде дома крутится, а одета небедно. И двери когда открывает, видно, что обстановка хорошая. Тоже, наверное, ворует. В театр записалась, а больше...

– Куда записалась? – насторожилась Василиса.

– В театр. У нас из ЖКО прислали массовика-затейника. У них там какой-то пункт есть в плане по организации детского досуга. Уж не знаю, кто его придумал, но пункт этот одобрен весьма видными инстанциями, все, значит, захотели, чтобы наши детки от безделья по подвалам не шастали. Ну и снарядили самого непутящего сантехника, Голубцова, организовать драматический театр, все равно на объектах от него никакого толку. Тот жильцов в артисты сначала по доброй воле зазывал, а потом, когда понял, что не все в гамлеты рвутся, объявил в приказном порядке. Дескать, чья квартира помощи театру не окажет, отключит горячую воду.

И отключил, паразит! После этого артисты у него в очередь толпились, а он еще и выбирать начал! Ирод!

– Ну чем же плохо?

– Так он артистов отобрал, им воду включил, а кто пробы не прошел, без воды и остались!

Мы вот никак не можем артистами! – расстроено сообщила хозяйка.

– И что же, у вас воду так и не включили? – подивилась Василиса.

– Да нет, мы рядом пристроились... Я-то не могу в артистки, хотя чувствую – задатки богатые, вот не поверите – иной раз вижу себя Верой Васильевой! Или – Еленой Прокловой! Даже иногда Боярским себя ощущаю, честное слово! Да только работа у меня. А вот Ленка мой пристроился. У него таланта отродясь не водилось, так он за кулисами ведрами гремит – гром изображает.

– А Римма?

– А Римка сразу пробы прошла. Правда, сначала не хотела в драму-то, даже звонила куда-то, да чего толку-то, проект кем-то там свыше одобрен. Видать, без воды помучилась, а потом сдалась. Короче, она в спектакле участвует.

Василиса нервно облизнула губы. Где-то рядом нащупывалась новая ниточка к разгадке.

– И когда, интересно, у вас собирается театр?

– Каждую пятницу. Да замучили совсем! Уж, прям, у людей больше и дел нету, как на сцене кривляться! – наконец вспомнила про чай хозяйка и злобно бухнула в чашки кипятку.

– А если я за вас в театр ходить стану, у вас воду не отключат?

– А кто его знает... Не должны, наверное... А вы сходите! Мы как раз в пятницу с Ленкой к сватке на день рождения собирались, – обрадовалась женщина. – А я предупрежу нашего сантехника... тьфу ты! Режиссера. Скажу, доброволец нашелся!

– Нет, вы просто скажите, что я ваша сестра, а то вдруг он не разрешит. И где собираетесь?

Женщине так понравилось предложение Василисы, что она вскочила и стала тыкать в окно пальцем.

– Вон, в первом подъезде дверь открыта. Там в подвале и есть этот театр. В пятницу к семи и подходите. Скажете – от Терезы Михайловны Оськиной, из семьдесят четвертой квартиры. Это я Тереза-то. Только не подведите.

Расстались женщины весьма довольные друг другом. Василиса хоть и не дождалась Ленку с конфетами, зато наметился план дальнейших действий. Она тряслась в автобусе и продумывала, как же в пятницу они с Люсей появятся в театре. И еще мучил вопрос: где работала Римма? Соседка говорит – все время дома была, а деньги водились. Может, маляром каким по вызову? Как бы там ни было, Римма не часто ходила на службу, а значит, тесного контакта с коллективом не имела. Значит, ее, скорее всего, лишили жизни не по рабочему вопросу. Опять же, если она занималась нелегальным бизнесом, то именно там кто-то и зарыт... кажется, собака.

Глава 2

НАМОРДНИК НА ДЕТЕКТИВОВ

Люся, видимо, еще не пришла, потому что света в окнах не было. Зато возле дверей, опираясь о стену, грозно постукивал башмаком единственный сыночек Василисы – Пашенька.

– Любопытно знать, – ехидно скривился он. – Кого это навещала моя родительница? Да еще в таком, прости, господи, уборище на голове? Да с размалеванными щеками? Мама, скажи мне честно, почему ты не смотришь телевизор дома? Сейчас замечательный сериал идет – «Солдаты», развеселишься, настроение поднимешь, с дисциплиной познакомишься. У нас его все смотрят не отрываясь, а ты от культурной жизни отстаешь!

– Я не отстаю от культурной... – поворачивала ключ в замочной скважине Василиса.

Неожиданный приход сына, а тем более его насмешливый тон настораживал.

– О! А вот и тетя Люся, – радостно воскликнул Паша и захлебнулся. – Теть Люся, а что это с вашей одеждой? Такую уже месяца три никто не носит...

– С чего это ты, Пашенька, стал так за модой следить? – поднималась по лестнице Людмила Ефимовна, клацая зубами. – Тоже мне – Юдашкин! «Носят, не носят»...

– Так это же летняя одежда! Сейчас в такой холодно... Та-а-ак! Опять куда-то вляпались?!

Василиса наконец справилась с замком.

– Заходи, хватит родителей баснями кормить, – прикрикнула на него мать.

Зайти было несколько проблематично – домашние животные, в отсутствие хозяев, вероятно, весело проводили время, потому что в прихожей на полу валялась вешалка, а из курток и пальто возвышался небольшой курган, украшенный ботами, тапками и осенними сапогами Люси.

– Пашенька! А ты ведь как угадал! – радостно зашебетала Люся, перескакивая через трипичную кучу. – Ведь признайся, не зря о моде заговорил – чу-увствовал, что с одеждой придется возиться!

Василиса радости подруги не разделяла – сынок явно пришел не просто так. И она даже догадывалась зачем.

– Да я прикручу вешалку! – тоже засветился улыбкой Павел. – Только уж и вы не откажите в помощи.

– Я не могу! – быстренько открестилась Василиса. – У меня дела.

Сын уже взялся за отвертку и, отталкивая виляющего хвостом от радости Малыша, бубнил:

– Ма, ну какие дела? У нас Катюшка на каникулы пошла, пусть у тебя поживет. Ты же знаешь, Лидочке с тремя не справиться, а мне... теть Люсь, дайте шуруп!.. А мне совсем некогда. Тут вот у нас на участке опять убийство... а помельче есть какой-нибудь?

– Да говори ты! Чего с шурупом этим... – не вытерпела Василиса.

– Я и говорю, на участке у нас огнестрел – молодую женщину убили прямо в собственном доме. Ну, ясное дело, на нас повесили, днюю и ночью на работе. Ну вот, теперь век не оторвется!

Подруги встревожились, и даже намертво прикрученная вешалка спокойствия не вселяла.

– Так, теперь подробнее про женщину, пожалуйста, – забылась Люся.

– А чего подробнее? Убили. Мальчонка пяти лет остался без матери. Вот и надо отыскать этого гада. А вам сразу говорю: узнаю, что в это дело суется, – свяжу скотчем и насильно

отправлю в пансионат «Бабкина радость»! А то ишь – насторожились! Когда Катерину приводить?

– Недельки через две, – посоветовала Василиса. – И не говори мне тут, что твоя Лидочка с троими не управляется, у вас Наденька в садике, Ниночка вообще спокойная девочка, спит целыми сутками...

– Ну так я тогда Ниночку к вам, а?

– Я же сказала – у нас пока дела! – не соглашалась мать. – Мы записались в драматический театр, нам главные роли присудили, репетиции каждый день. Ты уж прости, пока помочь не можем... а вот недельки через две – давай нам и Ниночку, и Катюшу, все равно я пойду на работу устраиваться, а Люсеньке нечем будет заняться.

– А я? Я тоже на работу... – попыталась было вставить Люся, но ее ропот потонул в разговоре родственников.

Однако Павел пришел неспроста, и так легко сбить его с намеченной цели было невозможно. Василиса пыталась отвлечь его внимание – гремела на кухне кастрюлями, жарила сосиски и даже спела отрывок из какой-то арии, и Люся помогала как могла – весело заставляла Малыша принести ее тапочки. Малыш тапочки не нес, а пытался утащить с кухонного стола сосиску, кот Финли летал с холодильника на буфет и обратно, но все же и этот ералаш не смог затмить Павлу память.

– В театр записались? – снова заговорил он, когда все приступили к ужину. – Просто замечательно! Тогда я точно Катюку к вам завтра отправлю, она уже достала меня – хочу быть киноактрисой, хоть ты тресни! Не ест ничего, целыми днями ногами машет да пресс качает – фигуру корректирует. А чего ей там корректировать – фигуры-то еще и в помине нет! А вот с вами завтра в театр – это как раз то, что надо. Как же я раньше-то не допетрил...

– Ты б ее лучше в детский драмкружок записал, чего ей со взрослыми-то... – попыталась возразить Люся. Она еще ничего не знала про театр, но доверяла подруге вслепую – если та сказала, значит, никто не должен мешать, даже любимые внучки. – Неизвестно еще, какую там постановку ставят...

– Да! – мигом сообразила Василиса. – Мне режиссер говорил, что эротику будем играть, куда ребенку-то?

Павел нервно закашлялся, и из глаз его брызнули слезы.

– Мам, я согласен, ребенку там не место... Но если ты мне скажешь, что будешь играть Эммануэль, я лучше прямо сейчас скончаюсь – я не хочу иметь мать-порнозвезду.

Пока Василиса думала, что бы такое ответить, в комнате раздался телефонный звонок. Люся подскочила, схватила трубку и заворковала:

– Да... Это я... Хорошо, завтра встретимся.

– Оля звонила, – прибежала она через несколько минут. – Обещала завтра заскочить.

– А, так это Ольга. А я думал, ухажер ваш, – продолжал жевать Павел и скармливать мохнатым питомцам добрую половину ужина.

– Какой ухажер? – мгновенно насторожилась Василиса.

– Да я к вам шел, а там мужичок на скамеечке сидел, все на ваши окна поглядывал.

– Высокий такой мушщина, да? У него еще пальто такое дорогое и сам на артиста Тихонова похож, да? Не переживай, это мой воздыхатель, – махнула рукой Василиса, и щеки ее зажглись пунцовым румянцем.

– Да нет, мам, я же говорю – это тетя-Люсин. Да он вовсе на Тихонова и не похож, маленький такой, голова лысоватая, в куртке старенькой, зубов не комплект. И потом, мне кажется, он попивает, нос у него такой объемистый, баклажан напоминает...

– А, тогда точно – Люсин.

– С чего это вы решили? – обиделась та. – Почему это, если нос баклажаном, то сразу мой?

– Так он мне сам сказал, – пояснил Паша. – Вижу, он на ваше окно смотрит и смотрит. Я его спрашиваю – ждете, что ль, кого? А он мне: «Петухова здесь проживает, не знаете?» Я спросил, зачем ему Петухова, а он тогда как-то странно поднялся и бочком, бочком за киоск. Вот я и подумал – может, это он вам сейчас звонил?

Подруги в молчании уставились друг на друга. Уже давненько ими так никто не интересовался. И кто же это мог быть? Не зря, значит, Василисе мерещился какой-то господин подозрительной наружности.

– Ну так как? Значит, по поводу Катерины на завтра договорились? – спросил Павел и сам же себе ответил: – Договорились. Вы никуда не уходите, а часиков в десять Лидочка ее завезет. Может, и правда, вам лучше вместе в драмкружок ходить...

Когда за Павлом закрылась дверь, Люся зачем-то подбежала к окну, долго смотрела, а потом испуганно спросила:

– Вась, это кто же... по мою душу, а?

– Успокойся, с чего ты решила, что по твою? Мало ли Петуховых?

– В нашем подъезде я одна. Вот ведь гад – выследил...

– Ты же слышала, что Паша сказал: мужичонка пьющий, значит, с ним мы все проблемы решим в два счета – поймем его на живца, на тебя то есть, затащим в дом, поставим на стол бутылку водки и не будем наливать, пока все не выложит. Он через десять минут расколется. А вот что делать с Катериной? У меня такие планы, никак нельзя невинного ребенка с собой таскать.

Люся немного успокоилась, и из нее высыпалась дельная мысль:

– А с Катериной еще проще. Во сколько твой наследник на службу убегает? К восьми? А внучку тебе к десяти обещали привести. Так ты в девять позвони и скажи, что тебя срочно вызывает режиссер, Лидочка – человек мягкий, она не станет тебя по рукам и ногам связывать. А что это у тебя за планы такие, куда детям нельзя?

Василиса уже расслабилась, вальяжно устроилась в кресле и, нещадно колотя себя по скулам (изгоняя защечный целлюлит), рассказала про разговор с соседкой убиенной Риммы. Потом, стыдливо румянясь, вспомнила:

– Если бы ты знала, Люсенька, как меня тискал ее бесстыдник муж! Ощупал всю, стыдно сказать! Ах, каких бы пощечин я ему отпустила, если бы не была в бессознательном состоянии! Ей-богу, я понимаю эту рогающую Терезу!

– А я вот не совсем... – о чем-то раздумывала Люся. – Странно, она столько времени с тобой говорила о Римме, кстати, ее фамилия Рудина, Римма Рудина. Так вот, она о ней столько говорила и ни разу не насторожилась? Почему она не сказала тебе, что девушка погибла? Не может быть, чтобы о ее смерти не узнали соседи.

– Опять же, Пашка говорил про огнестрел, значит, милиции известно о гибели Рудиной... – тоже призадумалась Василиса. – Странно, а почему соседка ни разу не сказала про то, что у Риммы есть сын? Нет, Люсь, мне кажется, Пашка совсем не это дело расследует.

– А что, по-твоему, у нас на каждом шагу молодых женщин стреляют? Чего зря гадать, завтра я у мачехи Риммы все узнаю, у меня с ней встреча.

Люся тоже выложила все новости, которые узнала от Наташи Бедровой. Василису особенно удивило, что Кислицын оказался настолько близок потерпевшей.

– Нет, ты посмотри, а я и не догадалась, старею, что ли? Раньше я такие тонкости за версту чуяла. Нет, завтра же побегу на пробежку... трусцой... с препятствиями... в самом деле, надо же как-то сохранить молодость!

Люся ничего на это не сказала, она молча постелила постель и задумчиво улеглась на кровать.

– Вась, а про какой театр ты весь вечер Пашке жужжала? Ты что, в самом деле собралась играть откровенные сцены?

– Кто б меня еще взял... – бурчала Василиса, тоже укладываясь спать. – Просто наша потерпевшая играла в драмкружке, и нам нелишне было бы туда наведаться, все же какая-никакая, а новая ниточка. К тому же я давно чувствую в себе талант Людмилы Целиковской. В пятницу репетиция, ты должна быть обязательно.

Люся не спорила. Она уже давно поняла: спорить с подругой – дело крайне неблагодарное, все равно останешься в дураках.

Утром Люся никак не могла проснуться, а в уши назойливо лезло чье-то бурчание. И бурчал мужчина:

– Мам, я подумал, чего тебе до десяти ждать, я сам на работу, а Катюшу к тебе, все равно ей в восемь на английский...

– А чтоб вы скисли! – слышался приглушенный голос Василисы. – И не жалко вам ребенка в такую рань по английским?... Хотя бы в каникулы выспаться дали.

Потом что-то хлопнуло, мужской бас исчез, зато зазвенел детский голосок.

– Баб, а ну его ко всем чертям, английский, давай лучше спать ляжем.

– Что это за слова!! Чтобы я не слышала больше ни о каких чертях!! А про английский правильно, ну его к чертям, давай спать.

Голоса утихли, и Люся снова провалилась в дрему. Ей снился морской залив, она ни разу в жизни не бывала на море, но во сне точно знала – это он! Она нежилась на песке, была высокой, молодой блондинкой, в стильном ярком купальнике... Вот только что она вылезла из воды, а в купальнике у нее застряла противная мокрая медуза. Медуза тыкалась по всей Люсе и даже покушалась на лицо!

– Бры-ы-ысь!! – трубно заорала от ужаса Люся и пробудилась от собственного крика.

Никаким морем и не пахло, Людмила Ефимовна нежилась в постели, и, слава богу, по ней ползала не медуза – это Малыш настойчиво звал хозяйку на прогулку.

– Буди! Малыш, буди Люсю! – слышалось рядом. – Буди!

Так и есть – верная подруженька Вася опять мешала Люсе жить! Не так давно Василиса, неизвестно с какой головной боли, выучила щенка препротивной команде «Буди!». Уроки проходили так: выбиралось время, когда Люся доверчиво спала, и давалась команда: «Буди! Буди Люсю!» Вот ведь дурь! Малыш заскакивал на кровать и пытался мохнатой мордой пролезть под одеяло. Если же Люся по наивности пыталась «проснуться» раньше, то есть сбежать с полигона дрессировки, Малыш в азарте запрыгивал на нее всей тушей и опрокидывал обратно в подушки. Это была самая любимая команда ушастого озорника.

Вот и сейчас он старательно пытался влезть под одеяло весь, поэтому про сон Люсе пришлось забыть.

– Сейчас, сейчас... – уныло продирала Люся глаза, засовывая ноги в тапки. – Что ж это тебя Васенька не вывела?

– А Васенька с дитем сидит, – появилась в дверях Василиса. – Дохлый твой план оказался, Люся. Пашка нас в два счета раскрутил. Вон, Катюшу привез, когда еще восьми не стукнуло. Ирод, ребенка на английский потащил...

– Неужели на английский? В такую рань...

– Да не беспокойся, Катенька отсыпается. Пусть девчонка сегодня у меня поспит, все равно нам в театр только завтра, – махнула рукой Василиса и пошла на кухню готовить завтрак.

После прогулки пришлось Люсю срочно кормить и собирать на задание. Вообще-то подруга уверяла, что и сама может собраться, но доверять ей в таком деле Василиса побоялась: все же Людмила шла не абы куда, а на рынок, встречаться с мачехой Риммы, а торговцы люди непредсказуемые, кто знает, может, с Люсенькой и разговаривать-то не захотят. Нет, обрывать Люсю нужно было только Василисе.

– Вася, если ты меня опять вырядишь как идиотку, я никуда не пойду, – капризничала Люся. – Зачем ты отбираешь у Малыша этот старый пуховик? Ты же знаешь, он всегда его зубами дерет! То есть... ты хочешь, чтобы я его надела? Вася, но он же у нас у порога лежал!

– Люся! Не кривляйся! После порога мы его два раза уже стирали! – категорично заявляла Василиса Олеговна. – Ты должна идти на рынок в пуховике, там все так одеваются, а людям не нравится, если кто-то выделяется из общей массы, это я тебе как психолог говорю!

– А можно я надену свое пальто? – все же не могла смириться Люся.

– Можно. Но тебе никто не раскроет душу. А тебе надо, чтобы раскрыли!

– Глядя на меня в этом пуховике, можно раскрыть только кошелек – милостыню бросить... – бурчала Люся.

Она уже поняла, что никакие доводы на свете не заставят Василису изменить решение – подруга ей виделась только в пуховике. Хотя один выход у Люси был.

– Вася, я не надену пуховик, – спокойно предупредила она. – Если ты попытаешься натянуть его на меня, я заору. Буду кричать сильно и долго. И тогда...

– Я тоже так думаю, – мигом согласилась Василиса. – И к чему тебе такое убожище, только лишний раз себя уродовать, ты и так не красавица... Конечно, Люсенька, иди в пальтишке.

Для Василисы ничего страшнее Люсиного крика не существовало.

Когда за подругой захлопнулась дверь, Василиса решила посвятить-таки себя любимой внучке.

– Катенька, хочешь, пойдем в магазин, конфеток купим. Ой, у нас в хлебной лавке такие пирожные привозят, просто во рту тают! Это совсем недалеко, пойдем?

Девочка было дернулась, потом подскочила к зеркалу, придирчиво оглядела себя с головы до ног и с сожалением покачала головой:

– Нет, баб, боюсь, меня от твоих пирожных разбарабанит, как маму на девятом месяце. Кто ж меня потом в звезды возьмет?

– Да что ж это за профессия такая – звезда?! – всерьез обеспокоилась Василиса и забегала вокруг внучки. – Ну вот ты мне скажи, что это за дело такое полезное? Ну да, не спорю, звезды тоже нужны, ну а как же учителя, строители, шоферы, маляры?

Девочка вытаращила глаза:

– Ты чего, хочешь меня маляром, что ли, сделать?

– А что такого?! Ишь ты, в звезды ей понадобилось! Ты вот на отца посмотри! Он ловит преступников, не звездун никакой, а без милиции у нас никуда, хоть и костерят ее на каждом углу!

– Баб, я не хочу в милицию... – чуть не плакала Катенька.

– А я тебя и не сажаю! Или вот, к примеру, учительница твоя – Мария Петровна! Молоденькая, хорошенькая, куколка! А однако ж в звезды не кинулась! Вас учит. А чем плохо врачом быть?

– Н-ну врачом... может быть...

– Людям плохо, а ты помогаешь. У мамы голова заболит, маму будешь лечить, у папы живот закрутит – папу. У меня, мало ли, ухо заболит, Люсеньку, опять же, от маразма...

– Наденьку от кашля... Ниночку от поноса... Нет, я, наверное, врачом тоже не буду.

Воспитательный процесс прервал настойчивый звонок в дверь.

– Ой, тетя Вася, а мамы нет? – ввалилась в прихожую Ольга, распространяя тонкий незнакомый парфюм. – Малыш! Крошка, вон ты какой вымахал! Финичка, и ты прибежал, иди, я тебя на ручки возьму.

– Кхык. Люсеньки нет... да ты проходи, хочешь, кашки вон овсяной поешь, – засуетилась Василиса.

– Некогда мне, тетя Вася, – порхала по комнате Ольга и, видно было, что-то искала. – Вы не помните, у мамы такие бусы есть...

– Это которые переливаются?

– Ну да. Сегодня мы в ресторан идем, они к моему платью просто изумительно подходят!

– А в ресторан-то с Володей? – будто между прочим поинтересовалась Василиса.

– Да ну что вы! Зачем с Володей-то? В Тулу и со своим самоваром? – усмехнулась Ольга, продолжая искать бусы.

Василиса растерялась. Ольга – ветреная дочка Люси – вот уже больше пяти лет проживала в гражданском браке с Владимиром, замечательной души человеком. И все пять лет она никак не могла уговориться. То ей казалось, что пора бежать в загс с каким-то крупным бизнесменом, то вдруг думала, что для Володи она обуза, то собиралась осчастливить какого-то индуса... Люся просто не находила себе места. Василиса подругу понимала и переживала вместе с ней. Однако в последнее время Ольга с Володей как-то приутихла, сошлись на том, что им никто не нужен, кроме друг друга, и даже вот-вот собирались расписаться. Люся обрадовалась и даже потихоньку стала прикупать пинеточки и чепчики, так, на всякий случай. И вот тебе, пожалуйста – снова какой-то ресторан!

– Ольга! А Владимир знает?! – сурово выпятила Василиса нижнюю губу.

– Какой Владимир? Ах, Володя! Так его ж не приглашали, откуда ему знать? Ну где же эти бусы?

– Ольга! Я не пускаю тебя ни в какой ресторан! – вдруг произнесла Василиса Олеговна и стукнула кулаком по журнальному столику.

– Куда же они задевались?.. Что вы говорите? – вдруг дошло до Ольги. – Не пустите? А почему?

Василиса расстроилась так, что у нее затрясся подбородок.

– Не пушу. Хватит стрекозой-то... Чего ж вы, Оля, мать-то, она если узнает... Она ж... пинеточки, распашонки покупает, а ты... И Володя твой... Хоть и хороший человек, а олух!

Ольга вдруг как-то вмиг остыла, опустила на диван и снова принялась тереть шерсть щенку, и по ее лицу поползла странная улыбка.

– Распашонки, говорите... Она знает, что делает, скоро, очень скоро они пригодятся. Лялька у нас с Володей будет, вот что.

Василиса так растрогалась, что до красноты принялась тереть глаза и всхлипывать, и подвывать, и даже что-то пришепетывать, в общем, умиляться. Наконец-то! Вот Люсенька порадует! А Ольга между тем блуждала по потолку взглядом и грезила:

– Если мальчик родится, назовем...

– ...Васенькой! – немедленно откликнулась Василиса Олеговна. – А если девочка, то пусть уж Василиса.

У Ольги, видимо, было другое имя на примете, потому что она от неожиданности по-мужски крикнула, а потом резко закрыла эту тему:

– Я думаю, когда родится, тогда и поговорим...

– А когда? Когда родится-то? – распахнула глаза Василиса.

– Скоро, – лукаво усмехнулась Ольга. – Очень скоро. Я думаю, годика через два решимся. А ресторан, так это деловой разговор – щенка нашего в Канаду забирают, вот и хотим это дело обговорить. Дома, сами понимаете, не совсем удобно... Тетя Вася, вы что это, неужели плачете?

Василиса от расстройства уже вовсю выла. Она-то собиралась бежать выбирать коляску, недавно видела в магазине, правда, она на двойню рассчитана, зато расцветка! И в крайнем случае, можно рядом было бы сумочку возить с картошкой...

– Это она, тетя Оля, от забот, – по-взрослому объяснила Катенька, которая стояла с разинутым ртом и боялась пропустить хоть слово. – Баба Вася ведь понимает – раньше только нас к ней водили, а сейчас и вы еще свою ляльку будете подкидывать. А у бабушек уже возраст, они вон со щенком еле справляются...

– Кстати! – вдруг всполошилась Ольга. – Тетя Вася, вы уж меня простите, с нашим Кислицыным какая-то неприятность вышла, я вам лучше другого кинолога подыщу.

У Василисы напряглись даже мышцы на скулах.

– А что это с ним?

– Я толком и сама не знаю... что-то никак не могу эти бусы разыскать. Ладно, что-нибудь другое придумаю, а то опоздаю.

– Подожди-ка, а как же с Кислицыным? – уцепилась за ее рукав Василиса. – Вдруг с человеком горе? Надо навестить. Где, ты говоришь, он проживает?

– Вот ему счастье-то сразу привалит, как только баба Вася появится, – хрюкнула в кулачок Катюша.

Ольга явно торопилась к какому-то своему канадцу, времени на беседу у нее, похоже, не было совсем, поэтому она не слишком стала вдаваться в подробности – к чему бы такая опека, а попросту протараторила:

– Он в магазине «Соболь» живет, тридцать пятая квартира. Если есть желание – навестите. Ну все, опаздываю, маме привет, – уже в дверях договорила Ольга и часто зацокала каблучками по лестнице.

Магазин «Соболь»... Василиса знала такой. Раньше только в нем можно было купить приличный мех, правда, на этот мех у Василисы Олеговны никогда не набиралось денег, однако раз в месяц она регулярно приходила в магазин и гордо примеряла самую дорогую шубу. Василиса крутилась перед зеркалом, поправляла воротник, а затем капризно оттопыривала губу и скидывала шубу на руки продавцам:

– Ну совершенно не мой фасон! И, конечно, манто из чернобурки снова не завезли?

Конечно, манто не было, и Василиса удалялась. Сейчас Соболь был набит всем, чем угодно, только не мехами. Это немного успокаивало душу, ведь и сейчас денег на манто не имелось. Так что дом, где проживал Кислицын, Василисе был известен хорошо. К нему надо было бежать немедленно! Только... как же быть с Катюшей?

– Ба, чего у тебя лицо такое, будто ты ананас целиком проглотила? – участливо поинтересовалась внучка. – Ба! У тебя опять заморочки? Снова в детектив вляпались? Ну чего ты молчишь, баб? Ну я же знаю – ты сейчас хочешь бежать к этому дядьке, а тут я сижу, да? И оставить меня ты никак не можешь, да? Баб, да я одна посижу, я ж не маленькая...

Василиса просияла:

– Посиди, детонька, я быстро. А я тебе мороженку...

– Не, ну я ж тебе говорю, мне калории нельзя. Ты мне, баб, купи такой журнал, называется «Капелька дамской тайны», он в книжном продается.

Василиса оторопела:

– Катенька, а может, не надо тайны-то, а? Из тебя еще и дама-то никакая... Может, «Мурзилку» или там «Веселые картинки»?

– Нет, баба, только «Капельку тайны», а уж какие там веселые картинки – обхохочешься!

Василиса быстренько согласилась – нельзя было терять ни минуты... разве что минут сорок на макияж.

* * *

Люся, будто опытный опер, нужного человека, то есть мачеху потерпевшей Риммы Рудиной, отыскала сразу. Во-первых, у нее одной была кожаная куртка ядовито-зеленого цвета, а

во-вторых, она торговала пирожками. Вместе с жирными пирожками, исходящими паром, у женщины мирно лежали вязанные носки.

– А кому носочки-пирожочки?! – надрывалась дама в зеленой куртке. – Покупаешь один носок, второй – даром!! Пирожки с капустой, с яйцами, со всей душой и с добрым сердцем!!

Пока Люся придумывала, как бы поудобнее завязать разговор, к даме с пирожками подлетела грозная женщина в белом кудрявом парике. Парик на ней сидел на манер берета – набок, открывая левое ушко, верхняя пуговица пальто была агрессивно расстегнута, из глаз летели молнии, а из уст гром.

– Это ты что же делаешь, а?! – ревела она, приближаясь к торговке и кидая в нее пирожками, которые проворно доставала из своего объемистого пакета. – Преступница!! Хотела моего мужа отравить!! Да он теперь из моих рук даже колбасу не берет!!

Возле лотка скоренько затормозила добрая половина покупателей рынка. Дама в кудрях охотно делилась обидой, вертелась во все стороны, размахивая пакетом, и не переставала швырять в продавщицу печеными изделиями.

– Ведь вы ж подумайте!! – кричала она, поправляя съезжающий на лоб парик. – Чего твои, а?! В прошлую пятницу я у ей купила пирожки! Чего там было написано?! Ну, говори, волчица!! Граждане-налогоплательщики! В прошлую пятницу я у ей купила пирожки «с мясом»! А мяса там и вовсе не оказалось!

– Было мясо! – кинулась отвоевывать честь продавщица.

– Там каша какая-то натолкана была, а не мясо!

– Мясо! Только соевое! Исключительно пользы ради!

– Мне такая польза!.. Я ж своему-то все время пела, что сама пирожки-то эти клятые леплю!! Он с капустой у меня любит, ну чисто козел! Некогда мне у плиты жариться, вот и купила с капустой у нее! Еще, главное, с душой, грит, с сердцем!! А там только морковка!! А мой морковку на дух не переносит! Его иль пучит, иль полощет!! Он же теперь, гад, думает, что я нарочно решила его морковкой накормить, чтобы он к Таньке-соседке не убег!! А я-то и не мыслила, что он с Танькой!! Это ты, холера, мою семью разрушила!

– Ну перепутала, с морковочкой-то они еще слаще... – увертывалась от пирожков продавщица.

– Да мне твои сласти на физию синяками повылазили! – снова взревела дама и кинулась крушить прилавок.

Люся решила, что ее звездный час настал.

– Минуточку! – храбро вырвалась она в передние ряды зевак. – Женщина, вы для меня находка!!

Все женщины в толпе моментально оглянулись.

– Вот, возьмите, – нашарила сыщица в кармане небольшой пузырек. – Мужу дайте, моментально успокоиться должен...

– Это навечно, что ли? – растерялась крикунья.

– Не совсем, только поспит немножко, – высыпала на ладонь маленькую таблеточку Люся. – Зато к Таньке не пойдет, семья, опять же, в сохранности останется...

– А что это? – решила выяснить дама, только Люся ответить не успела, как чья-то рука уже схватила с ладошки таблетку. Дама разразилась новым потоком негодования: – Это что же делается, а?! Прямо с руками пилюли рвут! А вы чего пальцы растопырили?! Дали чего, так пальцы-то не разжимайте!

Людмила Ефимовна вытащила еще таблетку. Теперь уже скандалистка не стала ничего спрашивать, схватила лекарство и стремительно заработала локтями, вырываясь из толпы. Через пару минут возле лотка с носками никого не было.

– Что вы ей дали? – спросила продавщица, кивая на удаляющуюся фигуру.

– А... Это неплохой препарат, помогает успокоиться, – не могла же Люся сказать, что всучила крикуше таблетку обычного снотворного, самого щадящего. Напротив, Люся закатила глаза и стала напевно объяснять: – Понимаете, наша лаборатория вообще-то работает без препаратов, только с подсознанием человека. А это... так... завалялась... Вот вам можно помочь без лекарства. Вы, я вижу, тоже расстроились, верно?

– Еще бы не верно, – пыхтела продавщица, отряхивая куртку. – У меня все нутро трясется!

– А я вам помогу, – с готовностью отозвалась Люся. – Нельзя к нервам так легкомысленно относиться. Сейчас у вас нутро трясется, а завтра всю колотить начнет, а там и вовсе парализует! Вам нужно срочно обратиться... ко мне. Где мы с вами можем подлечиться?

Продавщица вроде и принялась складывать товар, дабы куда-нибудь отбыть и «подлечиться», но вовремя спохватилась:

– Я пенсионерка, сразу говорю, денег не дам!

– Мне не нужны ваши деньги, – оскорбилась Люся. – Я просто помогу вам... словесно. Главное для нашей психики – спокойствие, я вас успокою совершенно бесплатно. Вы сразу же почувствуете облегчение. Где мы будем облегчаться?

Теперь женщина проворно покидала все пирожки в коробку с носками и потрусила впереди Люси:

– Чего вы там еле тащитесь? Ко мне пойдете, там и полечите. А соседку на сеанс позвать можно? У нее много денег – ей дети помогают, с нее можно по полной стоимости...

– Давайте сначала с вами поработаем...

До дома женщины идти было недалеко, и дамы донесли за пять минут.

– Вот, проходите... – открыла ключом дверь хозяйка. – Только тут темно, не споткнитесь. Мне вот соседка все трещит: «Валька, вкрути ты лампочку!» Меня ж Валькой зовут! Валентина Рудина я! Так она мне – вкрути, мол, лампочку! А на кой мне на лампочку тратиться, правда? Можно подумать, у меня здесь не прихожая, а библиотека! Ага, споткнулись все-таки?

Люся и правда споткнулась, загремела какой-то полкой, но удержалась на ногах.

– Проходите, вон, за стол садитесь, давайте лечиться. Мне лечь?

– Пока не надо, – остановила активную Валентину Люся. – Вам надо выговориться. Расслабьтесь и слушайте... Где-то в подсознании...

– Так, может, мне в кресло сесть?

– Садитесь в кресло. Расслабляйтесь и слушайте меня, – строго приказала Люся и уже другим голосом продолжала: – Где-то в подсознании у вас живет...

– Давайте уж тогда я на диван лягу, если расслабляться-то...

Люся вдруг подумала, что неплохо бы и самой нервишки подлечить. Вот сейчас так хотелось силой усадить хозяйку на стул, да еще и чем-нибудь крепеньким сверху приложить, чтобы не прыгала! Однако надо было держаться.

– Если вы меня не собираетесь слушать, я пойду, – степенно поднялась она и тут же резко плюхнулась назад – хозяйка рванула гостью обратно на стул.

– Все. Я молчу!

– Нет, вы не должны молчать, я так вам помочь не сумею, – решила не тянуть резину Люся. – Давайте, рассказывайте мне о чем угодно, вам надо высвободиться от лишних эмоций. Говорите.

Женщина наморщила лоб, долго терла поясницу, а потом выдала:

– А чего говорить – болею...

– Хорошо, хорошо... Для начала расскажите мне о вашей семье, – погрустнела Люся и подперла ладонью щечку, приготовилась слушать. – Про мужа, про детей... Раскрепощайтесь...

– А чего тут... Семья у меня была... Да вся вышла. Муж, зараза такой, пил, меня бил, потом вдруг раз – и помер. Здесь ничего лечить не надо, это его бог прибрал. А затем... а затем я стала одна жить, детей-то у меня не было.

– Так, помедленнее, помедленнее. Чую, вот здесь уже горячее, – встрепенулась Люся и укоризненно взглянула на Валентину. – Вы что-то скрываете. У вас, наверное, дети все же были?

Недолеченная Валентина треснула об стол кулаком:

– Не было!! Своих никогда не водилось! Была лишь Римма, так она мне по мужу только, а так и не дите вовсе!

– Расскажите про нее. Чувствую, здесь прямо у вас биополе заклинивает.

– Я ж всегда говорила: от нее одна морока! Вот и поле заклинило! Надо же, змеища, а я ее еще так любила!!

Было ясно, что мачеха до сих пор не знает, что Риммы уже нет в живых. Но сейчас Люся ей об этом не скажет. Потом... когда придет домой – позвонит.

– Любили?

– Ну конечно! Мужик-то мой, отец ейный, меня с ней познакомил – вот, грит, моя дочь Римма, люби ее, как родную. Ну я и любила... а она...

– А она? – спросила Люся.

– А она мне такую пакость... Все, что ль, рассказывать? – уточнила Валентина и принялась рассказывать все.

Валентина всю жизнь прожила в стесненных условиях. Мать с отцом не смогли накопить единственной дочурке на отдельное жилье и, когда девице стукнуло тридцать пять, сами об этом крепко пожалели – к дочери стали навеваться ухажеры ненадежной наружности, частенько засиживались до глубокой ночи на кухне, пили крепкие напитки, рассказывали некрасивые анекдоты, Валюша громко смеялась, а старики в единственной комнатенке только кряхтели да терпели – все же пора было дочери создавать семью. Свидания на кухне вошли в добрую традицию, но дальше их дело как-то не двигалось, ни руки, ни сердца никто предлагать не собирался. Потом ухажеров стало меньше, смех стал звучать реже, зато все чаще доченька бросалась обидными словами:

– Вот если бы не вы, Ванька (Санька, Толька, Колька) давно бы со мной расписался! А так... Куда мы?!

Старики не знали куда деться, но однажды бог над ними смилоствивился, и Валюшка выскочила все же замуж за залетного тракториста Митю. Митя так сильно стремился сделаться горожанином, что пожертвовал собственной свободой. Молодые жили вместе со стариками, было крайне неудобно, но потом все утряслось – Митя стал пропадать целыми днями неизвестно где и заявляться только под утро, когда старики уже спали, так что сильно он их не тревожил. Зато тревожилась Валентина. Однажды она даже отважилась на бурный скандал, после чего Митенька быстренько откланялся и сообщил, что уходит в общежитие. Якобы там ему не в пример удобнее. Валя спохватилась, загородила дорогу грудью и сообщила, что была не права, но Митю даже такое препятствие, как грудь супруги, не остановило. После этого Валентина решила всерьез заняться своей судьбой – написала во все газеты, развонила всем знакомым и незнакомым, что готова срочно выйти замуж! Откуда к ней принесло Рудина, она до сих пор не знает. Просто в один из вечеров в двери постучали, и на пороге оказался скромный мужичок, который вежливо шурился и прикрывал рот смятой кепкой.

– Вы к кому? – пробасила «невеста».

– Я это... жениться хочу...

В этот же вечер было организовано экстренное свидание, где снова лились горячительные напитки и рассказывались пошлые анекдоты. Только теперь анекдоты рассказывала сама Валя.

Выйти за мужчину замуж она согласилась сразу же, как только услышала, что у него имеется собственная квартира. Даже то, что у жениха есть дочь, не играло уже никакого значения.

Утром Валя уже была в «своей» квартире, а через месяц они стали официально мужем и женой. Жили молодые какое-то время просто замечательно, первые четыре дня, потом же выяснилось, что супруг пьет. Нет, он даже не пил, а хлестал! Но, если честно, Валу это не сильно тревожило: чем меньше находился муж дома, тем ей было вольготнее. Правда, оставалась еще падчерица – Римма, девица восемнадцати лет, но Валя уже научилась с ней обращаться. Чуть что, и можно было прикрикнуть:

– В твои года девки уже по второму ребенку нянчат, а ты все мужа найти не можешь!

Римма тогда надолго затихала. Потом супруг умер – спьяну попал под чьи-то шальные колеса, – и пришлось задуматься о пропитании: как бы ни пил Рудин, а кормить своих женщин не забывал. И снова Валентине повезло. Однажды ей встретилась бывшая соседка и стала жаловаться, как-де трудно жить с деньгами. Вот якобы у нее дочь вышла замуж за состоятельного мужчину, а теперь мучается: ни кухарки порядочной не найдешь, ни садовника. А родную мать в кухарки брать положение не позволяет.

– Я! Я самое то, что вам нужно! – вскричала Валентина.

Она действительно считала себя поваром с большой буквы, так как два года смиренно отработала в студенческой столовой.

С понедельника Валентина вышла на работу. Хозяева оказались до неприличия наивными, платили огромные деньги и совершенно не опускались до контроля. Жизнь стала сытней и легче, Валентина расцвела и даже стала подумывать о новом замужестве. Сколько лет она еще проработала бы, неизвестно, но хозяевам взбрело в голову завести для своего пятилетнего дитяти гувернантку. И дернул черт Валентину предложить на это место свою падчерицу – Римму. А ведь все как лучше хотела: чтобы девка не болталась у мачехи на шее, а стала сама зарабатывать. Еще была мыслишка: может, девку кто в жены возьмет из друзей хозяев, тогда и квартиру менять не понадобится, и самой можно будет в старости к молодым пристроиться, не век же ей с кастрюлями плясать. Первое время все шло замечательно. Римма приходила утром и, пока ребенок занимался в малышовой школе, по настоянию мачехи варила, тушила и жарила, а потом занималась своими прямыми обязанностями. И ведь успевала же! Однако о такой расторопности очень быстро прослышали хозяева, Валентину уволили, ее обязанности возложили на Римму и зарплату, естественно, девчонке такую платили, что уже через полтора года она купила себе квартирку и съехала. Тогда Валентине стало совсем туго: работать абы где она не хотела, а кушать с каждым днем хотелось все сильнее. Пришлось заявиться к падчерице и потребовать у нее алименты. Римма, конечно, возмущалась:

– Валентина! Ну имейте же совесть! Я и так вам плачу ежемесячно три тысячи, больше пока не могу.

– И какое мне дело?! Я тебя растила, кормила, лелеяла – давай теперь ты меня пестуй!

Падчерица была не согласна пестовать, тогда Валентина обругала ее последними словами. Два раза пнула по двери и отбыла. Однако Римма радовалась рано. Валентина и теперь приходила за тремя тысячами, зато два раза в месяц.

– И что – Римма давала? – поразилась Люся.

– Так я ж продуманно заявлялась, – скромно хихикнула дама, – я ж первый-то раз как обычно приходила, а второй раз непременно к Римке на работу. А уж она так за свое место тряслась, ни пятнышка на себе не допускала. Неужель она станет терпеть, чтобы я на весь особняк порочающим криком исходилась? Оттого и давала. Безропотно. Только вот в этот месяц ничего не вышло: ее хозяева надолго укатали куда-то. То ли в Германию, то ли в Париж, врать не буду. Они-то укатали, а у Римки отпуск образовался, вот она и отсиживается дома, не открывает. Дома-то я ей чего ж... не страшно ей. Прямо извелась вся, никак не могу придумать, как к ней пробраться еще денжат попросить.

– Вы говорите, Римма вам не открывает? Так, может, с ней случилось чего? Вы давно у нее были?

– Я ж говорю, в начале месяца, прям чем слушает человек! А случилось... Да чего с ей случится, девка-то здоровая, молодая, с деньгами, все у ее на месте, окромя совести.

– А внука своего вы давно видели? – допытывалась Люся, вспомнив Пашкины рассказы об огнестреле молодой женщины у них на участке. Он говорил, что у погибшей еще и сынок остался пятилетний.

– Внука? Внука давно... еще ни разу не встречала. Да откуда у меня внуки-то?! – разозлилась уже Валентина. – Можно подумать, я бабка старая! У меня и детей-то не было, а она внуков каких-то придумала!

– А сын Риммы? Он же вам внуком приходится.

– Сын? У Римки чего ж, еще и сын был? Вот мерзавка... когда только успела. Ей прямо хоть на вторую работу устраивайся, не прокормит ведь она меня да еще и сына! Ой, как сердце-то щемит... так и ноет, так и зудит, чешется все...

Людмила уже видела, как хозяйка поглядывает на часы, поэтому вопросы из нее посыпались быстрее.

– Друг у вашей падчерицы был?

– Конечно, был. Собака. Страшенная такая...

– Я про мужчину... – начала выходить из себя уже и Люся.

– Нет! Вот чего не было, того не было! Я ей завсегда говорила, что она помрет, а так с мужиком и не помилуется, хи-хи. Ой, да откуда у нее мужчина?!

– Однако ж сын имеется...

– Дак сын-то какой мужик?! – никак не могла сообразить хозяйка. – Да ежли б она еще и по мужикам шастала, я б ее лично вот этими руками придушила, чтобы не срамиться!

Валентина потрясла пудовыми кулаками, и Люся поверила – такая бы придушила, и мотив у нее был, и злости достаточно, да только...

– Я, пожалуй, пойду. А вы немного полежите... после нашей беседы вам должно резко полегчать. Только подумайте над нашим разговором... у вас есть над чем задуматься...

Люся степенно, как и подобает истинному целителю, направилась к выходу, а хозяйка, дабы исцеление прошло быстрее, принялась морщить лоб, собирать к носу брови, то есть, как и советовала Люся, думать над разговором, нимало не беспокоясь о том, как гостя справится с замками.

Василиса оставила Катю дома без особого беспокойства. Как-никак девчонка была уже школьницей, росла вполне самостоятельной особой и проказничала не больше, чем Люсенька, когда оставалась одна. Теперь Василиса Олеговна стояла у дороги и лихорадочно трясла рукой, останавливая машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.